

Science Publishing Centre «Sociosphere»
International Islamic Academy of Uzbekistan
Tashkent State Pedagogic University named after Nizami
Penza State Technological University
Baku State University

QUESTIONS OF SCIENCE IN THE MODERN WORLD

Materials of the XVII international scientific conference
on June 3, 2026

Penza
2026

Questions of science in the modern world: materials of the XVII international scientific conference on June 3, 2026. – Penza : Научно-издательский центр «Социосфера», 2026. – 83 p. – ISBN 978-5-91990-237-9

ORGANISING COMMITTEE:

Kasimova Zebo Khamidovna, candidate of pedagogical sciences, professor, head of the department of psychology of religion and pedagogy of the International Islamic Academy of Uzbekistan.

Tillashaykhova Khosiyat Azamatovna, candidate of psychological sciences, associate professor, head of the department of general psychology at Nizami Tashkent State Pedagogical University.

Mityukov Nikolay Vitalievich, Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Rocketry, Izhevsk State Technical University. M. T. Kalashnikova.

Abbasova Kyzylgul Yasin kyzy, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social Work at Baku State University.

Shimanskaya Olga Yurievna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank.

Osipova Natalya Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Penza State Technological University.

Mulenkova Iлона Gennadiyevna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Chief Manager of the Science Publishing Centre «Sociosphaera».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. A wide range of issues related to various areas of scientific knowledge is considered. The articles are devoted to the problems of history, cultural studies, medicine, pedagogy, politics, law, psychology, religion, sociology, technology, philology, philosophy, ecology, economics.

UDC 1

ISBN 978-5-91990-237-9

© Science publishing centre
«Sociosphere», 2026.
© Group of authors, 2026.

CONTENTS

I. INFORMATION TECHNOLOGY

Перминов А. Б.

Прогнозирование сетевого трафика методами машинного обучения..... 5

II. PEDAGOGY

Бучилова И. А., Шаронова М. В., Афанасьева В. В.

Экспериментальное изучение состояния произносительной стороны речи у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи..... 7

Асеева О. В., Маврова О. М., Орлова А. Е. Редько Н. В.

Квесты как одна из эффективных развивающих форм работы с детьми 5–7 лет 9

Асеева О. В., Бучилова И. А., Орлова А. Е.

Особенности детей 6–7 лет с общим недоразвитием речи (ОНР): логопедические аспекты, моторика, графомоторные навыки 13

Еспанова И., Турманов Р., Аппазов Н.

Применение технологии переработки отходов в учебных лабораторных исследованиях в высших учебных заведениях .. 15

Токмырзаева Г. Е.

Формирование фасилитационной компетентности студентов 18

Щерба Н. В.

Значение интонации в формировании правильной речи у детей 20

Уайдуллакызы Э., Абдукерова Р. Т.

Роль драматических навыков в развитии детей дошкольного возраста 22

Уайдуллакызы Э., Абдукерова Р. Т.

Значение инклюзивной компетентности в процессе дошкольного образования 24

III. PHILOLOGY

Кудасова Н. В.

Проблемное обучение – работа на результат 26

Муленкова Д. Р.

«Но сейчас, к сожалению, они там не живут»: жалость как обрамляющий мотив в повести Ю. В. Трифонова
«Долгое прощание» 30

Мусатова Г. А.

К вопросу о функциональных особенностях профессиональной лексики в русском языке 32

Щелокова А. А.

Репрезентация концепта «Екатеринбург/Урал» в текстах уральских рэп-исполнителей.....	37
--	----

IV. PSYCHOLOGY

Алигаева Н. Н.

Стратегии минимизации рисков при ургентной зависимости.....	41
---	----

Мордас Е. С.

Беременность и фантазии о будущем ребенке.....	43
--	----

Трегубова Э. А., Кобызева У. В.

Эмоциональная дисрегуляция и её влияние на межличностные отношения при пограничном расстройстве личности.....	57
---	----

V. SOCIOLOGY

Головченко М. А., Савельев О. Н.

Социальные нормативы и алгоритмы управления инновациями на российских производственных предприятиях в современных условиях.....	61
---	----

Зеленская М. М.

Специфика социальной солидарности сельского населения агрогородков в Республике Беларусь.....	66
---	----

VI. ECONOMICS

Головченко М. А., Савельев О. Н.

Социально-психологические аспекты трансформации труда в условиях инновационного развития цифровой экономики и Четвертой промышленной революции	70
--	----

Зубов Н. Р.

Импортозамещение HR-технологий в банковском секторе России: 2022–2025	74
---	----

Янгирова Е. И., Намазов Т. Ш.

Экономическая эффективность операционной стратегии малого предприятия: методика оценки.....	78
---	----

План международных конференций, проводимых на базе Научно-издательского центра «Социосфера» в 2026 году	81
---	----

Информация о научном журнале	81
------------------------------------	----

Издательские услуги НИЦ «Социосфера»	82
--	----

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СЕТЕВОГО ТРАФИКА МЕТОДАМИ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

EDN YXVUJD

А. Б. Перминов

*Студент,
Поволжский государственный
университет телекоммуникаций
и информатики,
г. Самара, Россия*

Summary. The article presents a comparative analysis of four forecasting methods (ARIMA, CNN, LSTM, XGBoost) on three types of real network traffic (web, video, file). The CESNET-IdleOS dataset is used. XGBoost with extended features (lags, moving averages, differences) shows the best accuracy: relative error for web traffic is 5.9 %, for video – 11.1 %, for file – 3.9 %. Recommendations for choosing a method depending on traffic characteristics are given.

Keywords: network traffic forecasting; ARIMA; CNN; LSTM; XGBoost; comparative analysis; RMSE.

Современные телекоммуникационные сети характеризуются стремительным ростом объёмов передаваемых данных, что требует эффективного прогнозирования нагрузки для предотвращения перегрузок и оптимизации ресурсов. В работе проведён сравнительный анализ четырёх методов прогнозирования временных рядов: классической статистической модели ARIMA, свёрточной нейронной сети (CNN), рекуррентной сети LSTM и градиентного бустинга XGBoost. Исследование выполнено на реальных данных датасета CESNET-IdleOS [1], из которого сформированы три временных ряда по 365 наблюдений: веб-трафик (HTTP-запросы), видеотрафик (TLS-сессии) и файловый трафик (объём переданных байт). Статистический анализ показал, что веб-трафик имеет низкую волатильность (коэффициент вариации 16,5 %) и сильную недельную автокорреляцию (0,78), видеотрафик – высокую волатильность (65,6 %) и слабую автокорреляцию (0,45), файловый трафик – наибольшую волатильность (69,3%) при низком среднем значении.

Для каждого типа трафика обучены модели ARIMA (с автоматическим подбором параметров), CNN (один свёрточный слой, два полносвязных), двухслойная LSTM (по 50 нейронов) и XGBoost с расширенным набором признаков (лаги до 14 дней, скользящие средние, разности). Нейросетевые модели нормализованы с помощью MinMaxScaler. Точность оценивалась по среднеквадратической ошибке (RMSE) на тестовой выборке из 73 наблюдений (20 % от общего объёма).

Результаты показали, что XGBoost превосходит остальные методы на всех типах трафика. Для веб-трафика относительная ошибка XGBoost составила 5,9 % (RMSE = 30,9), тогда как ARIMA дала 15,2 % (RMSE = 76,8), CNN – 16,1 % (83,5), LSTM – 16,5% (91,4). Для видеотрафика XGBoost достиг ошибки 11,1 % (RMSE = 122,0), в то время как ARIMA, CNN и LSTM показали ошибки 83,2 %, 78,2 % и 78,7 % соответственно – это делает их непригодными для практического применения. Для файлового трафика XGBoost обеспечил практически идеальную точность (3,9 %, RMSE = 4,25), что значительно лучше LSTM (56,9 %), CNN (57,3 %) и ARIMA (64,9 %). Преимущество XGBoost объясняется его устойчивостью к выбросам, способностью моделировать нелинейные зависимости и использованием информативных признаков.

Разработаны практические рекомендации: для веб-трафика рекомендуется XGBoost (5,9 %) или ARIMA как более простая альтернатива; для видеотрафика и файлового трафика единственным приемлемым методом является XGBoost. Полученные результаты могут быть использованы при создании систем управления пропускной способностью в телекоммуникационных сетях, центрах обработки данных и облачных платформах.

Библиографический список

1. CESNET. CESNET-IdleOS Traffic Dataset [Электронный ресурс] // Zenodo. – 2025. – URL: <https://zenodo.org/records/15004766> (дата обращения: 17.02.2026).

II. PEDAGOGY

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ СТОРОНЫ РЕЧИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

EDN YMXYPN

И. А. Бучилова

М. В. Шаронова

В. В. Афанасьева

*Учитель-логопед,
кандидат психологических наук,
учитель-логопед,
Детский сад № 115,
магистрант,
Череповецкий государственный
университет,
г. Череповец, Вологодская область,
Россия*

Summary. This article presents experimental data on the pronunciation of speech in 6- to 7-year-old children with general speech underdevelopment. The main problems are identified and solutions are outlined.

Keywords: children with speech disorders; pronunciation; research methodology.

Экспериментальное исследование проводилось на базе МАДОУ «Детский сад № 115». В исследовании принимали участие 10 детей 6–7 лет с общим недоразвитием речи из комбинированных групп.

Цель констатирующей части исследования – выявить уровень сформированности произносительной стороны речи у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи.

Для изучения особенностей произносительной стороны речи нами была использована методика Н. В. Нищевой [1; 2].

Диагностические задания для выявления сформированности произносительной стороны речи у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи включают следующие направления: состояние звукопроизношения, состояние дыхательной и голосовой функции, состояние просодических компонентов речи, состояние артикуляционной моторики, состояние фонематического восприятия.

Анализ результатов обследования представлен на рисунке 1.

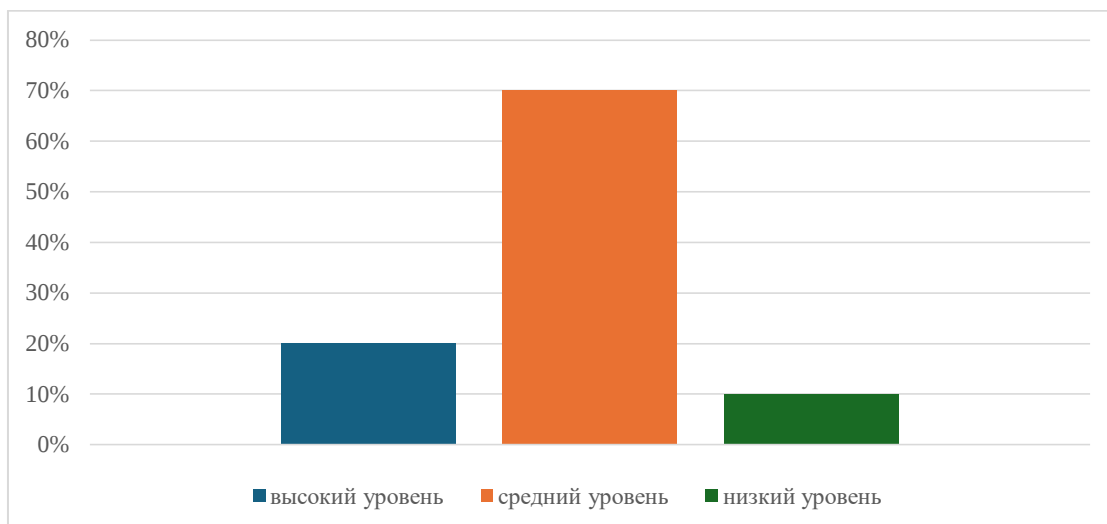

Рис. 1. Количественные результаты диагностики уровня развития произносительной стороны речи у детей старшего дошкольного возраста с ОНР

Итак, низкий уровень развития произносительной стороны речи показали 10 % детей в группе. К данному уровню относятся дети, которые допускают большое количество ошибок при произнесении слов на определенную группу звуков, звуки изолированно произносят с ошибками; имеют замедленный характер темпа и ритма речи; не верно расставляют паузы в речевом потоке или же вовсе не выставляют их; имеют недостаточный объем дыхания, короткую продолжительность речевого вдоха; имеют немодулированный, чрезмерно тихий или глухой голос; не способны употреблять основные виды речевой и эмоциональной интонации (повествовательную, вопросительную, восклицательную); делают более трех ошибок при повторении слоговых рядов; делают более двух ошибок при воспроизведении слов с дифференцируемыми оппозиционными звуками.

Средний уровень развития произносительной стороны речи показали 70 % детей в группе. К данному уровню относятся дети, которые допускают одну или две ошибки при произнесении слов на определенную группу звуков, сами звуки изолированно произносят верно; имеют нормальный характер темпа и ритма речи; правильно расставляет паузы в речевом потоке; имеют достаточный объем дыхания; имеют нормальную продолжительность речевого вдоха; имеют модулированный, нормальный голос; способны употреблять основные виды речевой и эмоциональной интонации (повествовательную, вопросительную, восклицательную); делают не более трех ошибок при повторении слоговых рядов; делают одну или две ошибки при воспроизведении слов с дифференцируемыми оппозиционными звуками.

Высокий уровень развития произносительной стороны речи показали 20 % детей в группе. К данному уровню относятся дети, которые не до-

пускают ошибок при произнесении всех слов на определенную группу звуков, а также звуков изолированно; имеют достаточный объем дыхания; имеют длительную продолжительность речевого выдоха; имеют модулированный, громкий голос; способны употреблять основные виды речевой и эмоциональной интонации (повествовательную, вопросительную, восклицательную); умеют воспроизводить слоговые ряды в заданной последовательности; умеют правильно воспроизвести слова с дифференцируемыми оппозиционными звуками.

В целом результаты проведенного диагностического исследования позволяют сделать вывод о том, что у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи (ОНР) преобладает средний уровень развития произносительной стороны речи. При этом значительная часть детей демонстрирует остаточные трудности в звукопроизношении и фонематическом восприятии. Данные результаты свидетельствуют о необходимости продолжения целенаправленной индивидуальной коррекционно-логопедической работы с учётом специфических нарушений у каждого ребёнка.

Библиографический список

1. Нищева Н.В. Речевая карта ребенка с общим недоразвитием речи (от 4 до 7 лет). – СПб.: Детство-Пресс, 2026 – 40 с.
2. Нищева Н.В. Картинный материал к речевой карте ребенка с общим недоразвитием речи. – СПб.: Детство-Пресс, 2026 – 80 с.

КВЕСТЫ КАК ОДНА ИЗ ЭФФЕКТИВНЫХ РАЗВИВАЮЩИХ ФОРМ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ 5–7 ЛЕТ

EDN RVWEVK

О. В. Асеева
О. М. Маврова
А. Е. Орлова
Н. В. Редько

*Педагог-психолог,
воспитатель,
инструктор по физической культуре,
воспитатель,
Детский сад № 115,
г. Череповец, Вологодская область,
Россия*

Abstract. The article discusses the quest as an effective developmental form of work with children aged 5–7 in modern conditions. It emphasizes the relevance of quest technology, which can captivate modern preschoolers and develop their cognitive activity, independence, and communication skills. The article provides a definition of the quest and analyzes its advantages for the comprehensive development of a child's personality. It also presents the opinions of leading educators and psychologists on this topic. Special attention is given to practical aspects, including a detailed algorithm for creating and conducting a quest, as well as a classification of optimal types of tasks (intellectual, creative, and physical) for older preschoolers. This article is addressed to educators and teachers who are interested in introducing modern gaming technologies into the educational process.

Keywords: quest; educational games; preschoolers.

Современные дети отличаются высокой познавательной активностью, стремлением к самостоятельности и исследовательской деятельности. Традиционные формы занятий не всегда способны удовлетворить их потребность в новых впечатлениях и активных действиях. В этом контексте квест-технология становится одной из наиболее востребованных и эффективных форм работы с детьми старшего дошкольного возраста.

Квест – это не просто игра, а игра-приключение, игра с секретом, игра с загадкой, которая позволяет детям полностью погрузиться в происходящее, сохраняя мотивацию на протяжении всей деятельности. Такая форма работы способствует развитию познавательной инициативы, творческих способностей, коммуникативных навыков и самостоятельности, что полностью соответствует задачам современного дошкольного образования [4].

Вопросы использования квест-технологий в работе с дошкольниками освещаются в трудах ряда отечественных и зарубежных исследователей. Среди них: И. Н. Сокол [4] рассматривает квест как технологию, имеющую чётко поставленную дидактическую задачу, игровой замысел, руководителя (наставника), чёткие правила и реализуемую с целью повышения у детей уровня знаний и умений. По мнению автора, при применении квест-технологии дети проходят полный цикл мотивации: от внимания до удовлетворения, знакомятся с аутентичным материалом, который позволяет им исследовать, обсуждать и осознанно строить новые концепции.

Т. Е. Харченко отмечает, квест-технология позволяет решать задачи любой образовательной области и, как правило, создаёт дополнительные возможности для интеграции. Это коллективная игра, в которой дети учатся взаимопониманию, взаимодействию, взаимопомощи, умению принимать компромиссные решения [5].

А. А. Каравка определяет образовательный квест как особую форму организации деятельности, в которой ребёнок самостоятельно или совместно со взрослым открывает новый практический опыт работы [1].

Внедрение квест-технологий в детских садах показывает положительную динамику в развитии познавательной инициативы. Так, после проведения серии квест-игр у детей отмечается рост самостоятельности, инициативности, умения работать в команде и решать проблемные ситуации. Практика подтверждает, когда ребёнок вырастет, он будет вести себя в своей профессиональной деятельности так же, как он в детстве вёл себя в игре: планировать, прогнозировать, добиваться результат [4].

Преимущества квестов для детей 5–7 лет:

1. Развитие познавательной активности. Квесты стимулируют интерес к исследованию, поиску решений, развивают логическое мышление и воображение.

2. Социализация. В процессе командной работы дети учатся договариваться, распределять роли, проявлять инициативу и ответственность.

3. Физическая активность. Квесты часто включают подвижные задания, что способствует развитию моторики и укреплению здоровья.

4. Эмоциональное развитие. Игра вызывает положительные эмоции, формирует уверенность в себе и чувство удовлетворения от достигнутого результата.

5. Интеграция образовательных областей. В рамках одного квеста можно реализовывать задачи по развитию речи, математике, окружающему миру, творчеству.

Для успешной организации квеста рекомендуется придерживаться следующего алгоритма [6]:

1. Определение цели и задач. Сформулируйте, какие образовательные, развивающие или воспитательные задачи вы хотите решить (например, закрепление знаний о природе, развитие коммуникативных навыков).

2. Выбор темы и сюжета. Тема должна быть интересна детям и соответствовать их возрасту. Сюжет может быть сказочным, приключенческим или познавательным.

3. Разработка маршрута. Продумайте последовательность этапов (станций), которые предстоит пройти детям. Маршрут может быть линейным (по цепочке), кольцевым или штурмом (с выбором пути).

4. Подготовка заданий. Для каждого этапа подготовьте задания разного типа: интеллектуальные (загадки, ребусы), творческие (рисование, лепка), подвижные (эстафеты), практические (поиск предметов).

5. Создание атмосферы. Используйте атрибуты, костюмы, музыкальное сопровождение, чтобы дети полностью погрузились в игру.

6. Определение ролей. Решите, будет ли это индивидуальная или командная игра. Распределите роли (если необходимо) и объясните правила.

7. Проведение квеста. Ведущий (педагог) направляет детей, поддерживает интерес, помогает при затруднениях.

8. Рефлексия. После завершения игры обсудите с детьми их впечатления, трудности и достижения. Это закрепит полученный опыт.

Выбор темы квеста – ключевой этап, от которого зависит интерес и вовлеченность детей. Для дошкольников 5–7 лет важно учитывать не только их возрастные особенности, но и актуальные интересы, уровень развития и опыт. Вот основные рекомендации по подбору темы [2]:

1. Возрастные особенности и интересы. Дети 5 лет любят сказки, волшебство, животных, простые приключения. Примерные темы для квеста: «В гостях у сказки», «Поиски пропавшего котёнка», «Сокровища пиратов», «Поможем сказочному герою». Задания должны быть простыми, с яркой наглядностью, короткими инструкциями и элементами подражания. У детей 6 лет появляется интерес к профессиям, космосу, природе, истории, детективам. Можно использовать следующие темы: «Космическое путешествие», «Школа юных детективов», «Экспедиция в джунгли», «Тайна

старинного замка»; включать более сложные логические задачи, загадки, элементы поиска и исследования. Дошкольники 7 лет готовы к темам, связанным с социальными ролями, экологией, безопасностью, научными открытиями. Предлагаем такие темы: «Город будущего», «Экологическая миссия», «Квест по правилам дорожного движения», «Тайны древних цивилизаций»; задания могут быть комплексными, требовать командной работы, самостоятельного поиска решений.

2. Соответствие образовательным задачам. Тема квеста должна быть связана с образовательными областями: развитие речи (диалоги, загадки); формирование элементарных математических представлений (счёт, формы); ознакомление с окружающим миром (природа, профессии); физическая культура (подвижные этапы); художественно-эстетическое развитие (творческие задания).

3. Актуальность и эмоциональная привлекательность. Тема должна вызывать у детей положительные эмоции и желание участвовать. Хорошо работают сюжеты, связанные с любимыми сказками, мультфильмами или актуальными событиями (например, «Новогодний квест», «Весеннее путешествие»).

4. Возможность интеграции и вариативности. Выбирайте тему, которая позволяет комбинировать разные виды деятельности (интеллектуальную, творческую, двигательную) и легко адаптировать задания под уровень группы.

Таким образом, при выборе темы квеста ориентируйтесь на интересы и возможности детей конкретного возраста, образовательные задачи и возможность создания увлекательного сюжета. Такой подход обеспечит максимальную пользу и радость от игры.

Грамотно подобранные задания сделают квест не только весёлым приключением, но и эффективным инструментом развития дошкольников.

Квесты – это современная, эффективная и востребованная форма развивающей работы с детьми 5–7 лет. Они способствуют формированию у дошкольников ключевых компетенций и создают условия для гармоничного развития личности.

Библиографический список

1. Каравка А. А. Урок-квест как педагогическая информационная технология // Мир науки. – 2015. – № 3.
2. Осяк С. А., Султанбекова С. С., Захарова Т. В. Образовательный квест – современная интерактивная технология // Современные проблемы науки и образования. – 2015.
3. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю., Моисеева М. В., Петров А. Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. – М.: Академия, 2001.
4. Сокол И. Н. Классификация квестов. – М.: – 2014.
5. Харченко Т. Е. Квест-игры для дошкольников. – СПб.: Детство-Пресс, 2021.
6. Сергеева И. С., Гайнулова Ф. С. Теория игры и игровые технологии в учебно-воспитательном процессе. – М.: УЦ «Перспектива», 2014.

ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ 6–7 ЛЕТ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ (ОНР): ЛОГОПЕДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ, МОТОРИКА, ГРАФОМОТОРНЫЕ НАВЫКИ

EDN PNCCIK

О. В. Асеева

И. А. Бучилова

А. Е. Орлова

Педагог-психолог,

учитель-логопед,

кандидат психологических наук,

инструктор по физической культуре,

Детский сад № 115,

г. Череповец, Вологодская область,

Россия

Abstract. The problem of general speech underdevelopment (GSD) in children is defined as a systemic speech disorder in which children with normal hearing and intelligence do not have all the components of speech, from sound production to the semantic side of an utterance, formed. It is noted that this condition is often combined with motor disorders, such as fine and gross motor skills. The importance of diagnosing and correcting GSD at the age of 6–7 years, when children are actively preparing for school, is emphasized.

Keywords: children with general speech underdevelopment; pronunciation; connected speech; motor skills; graphomotor skills.

Общее недоразвитие речи (ОНР) представляет собой сложный системный речевой дефект, при котором у детей с нормальным слухом и первично сохранным интеллектом оказываются несформированными все компоненты речевой системы – как звуковой, так и смысловой стороны. Как отмечают исследователи, у детей с ОНР наблюдаются не только речевые нарушения, но и разного рода нарушения в двигательной сфере и развитии познавательных процессов [4].

В течение учебного года нами была проведена диагностика детей 6 – 7 лет с ОНР, посещающих комбинированные группы детского сада № 115, логопедом, психологом, инструктором по физической культуре и воспитателем. Взаимосвязь специалистов при проведении коррекционно-развивающей работы, начиная с диагностики, является ключевым аспектом для обеспечения ее эффективности. Комплексное диагностическое обследование прошли 10 детей с ОНР (у 9 детей – третий уровень речевого развития, у одного – второй уровень речевого развития, у восьми детей – дизартрический компонент).

Представим результаты логопедического обследования по методике Н. В. Нищевой [3] у детей старшего дошкольного возраста с ОНР:

Низкий уровень развития речи показали 10 % детей в группе, средний уровень отмечен у 70 %, высокий уровень развития произносительной стороны речи показали 20 % детей группы. В целом результаты проведенного диагностического исследования позволяют сделать вывод о том, что у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи (ОНР) преобладает средний уровень развития речи. При этом значительная часть

детей демонстрирует остаточные трудности в звукопроизношении и фонематическом восприятии. Отмечаются проблемы устранения межзубного произношения свистящих звуков, постановки твердого звука Л и автоматизация правильного звука Р при наличии искаженного. У детей отмечаются затруднения в проговаривании слов сложной слоговой структуры, разного рода аграмматизмы и низкая мотивация при выполнении заданий на обследование связной речи. Современные дети не любят пересказывать тексты и составлять рассказы по серии сюжетных картинок, так для них это представляет значительные трудности. Данные результаты свидетельствуют о необходимости продолжения целенаправленной индивидуальной коррекционно-логопедической работы с учётом специфических нарушений у каждого ребёнка.

Как отмечают исследователи, у детей с ОНР наблюдаются не только речевые нарушения, но и разного рода нарушения в двигательной сфере. В возрасте 6–7 лет, когда происходит активная подготовка к школьному обучению, эти особенности приобретают особое значение.

На примере подготовительных групп комбинированной направленности нашего детского сада из 10 детей с ОНР при написании «Графического диктанта» (Д. Б. Эльконин) дети с диагнозом ОНР не справляются с тестом или показывают низкие результаты: не понимают с первого раза на слух инструкцию, переспрашивают, сбиваются с образца рисунка, путают право и лево, выезжают за пределы строки. М. М. Безруких в своих работах по развитию мелкой моторики у дошкольников подчеркивает, что несформированность графомоторных навыков является серьезным препятствием для овладения письмом [1; 5].

Из этой же группы детей с ОНР наблюдаются нарушения не только мелкой, но и крупной моторики. На занятиях по физической культуре было выявлено несформированная координация движений: при выполнении общедвигательных упражнений, удержание равновесия, нарушение переключаемости движений, замедленный темп выполнения двигательных заданий. В работе О. С. Рудик «Практическая коррекционная работа с детьми с ОНР» рассматриваются комплексные подходы к развитию как крупной, так и мелкой моторики у данной категории дошкольников [3].

Итак, дети 6–7 лет с общим недоразвитием речи представляют собой гетерогенную группу, характеризующуюся не только речевыми нарушениями, но и специфическими особенностями двигательного развития: недостаточностью мелкой и крупной моторики, несформированностью графомоторных навыков, трудностями пространственной ориентировки. Эти особенности оказывают существенное влияние на успешность овладения учебной деятельностью в начальной школе, особенно письмом и чтением. Систематическое использование методов кинезитерапии, в частности, логоритмики, способствует компенсации имеющихся недостатков и обеспечивает более благоприятный прогноз школьного обучения.

Библиографический список

1. Безруких М. М. Развитие мелкой моторики у дошкольников. – М.: Вентана-Граф, 2019.
2. Нищева Н. В. Картинный материал к речевой карте ребенка с общим недоразвитием речи. – СПб.: Детство-Пресс, 2018.
3. Рудик О. С. Практическая коррекционная работа с детьми с ОНР. – М.: Владос, 2017.
4. Филичева Т. Б. Устранение общего недоразвития речи у дошкольников. – М.: Айрис-Пресс, 2018.
5. Шабалина Н. Н., Тряпицына Ю. Л., Лебедева Ю. В. Игры для развития ручного праксиса в логопедической работе с детьми с ОНР // Дошкольная педагогика. – 2024. – № 3. – С. 48–50.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕРАБОТКИ ОТХОДОВ В УЧЕБНЫХ ЛАБОРАТОРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

EDN KCHGGZ

И. Еспанова

Р. Турманов

Н. Аппазов

*Старший преподаватель,
Кызылординский университет
имени Коркыт Ата,
г. Кызылорда, Казахстан
старший преподаватель,
Кызылординский университет
имени Коркыт Ата,
г. Кызылорда, Казахстан
Казахский национальный педагогический
университет имени Абая,
г. Алматы, Казахстан
ассоциированный профессор,
Кызылординский университет
имени Коркыт Ата,
г. Кызылорда, Казахстан*

Summary. The article describes a laboratory experiment conducted under regional conditions by students to study the technology of agricultural waste recycling into a sorbent. The results showed a significant reduction in pollutant levels, and a student survey recorded an increase in knowledge from 8–38% to 80–93%. The experiment contributes to the formation of environmental responsibility and practical skills.

Keywords: Education; Practical skill; Environmental responsibility; Laboratory class; Waste recycling.

Загрязнение водных ресурсов становится ключевой проблемой, особенно в развивающихся странах [1]. В контексте университетских лабораторных работ изучение технологий переработки отходов и очистки воды позволяет студентам не только освоить методы анализа, но и оценить их влияние на устойчивое развитие [2]. Цель исследования заключается в раз-

работке и апробации методики лабораторного эксперимента, интегрирующей принципы зеленой химии и региональный экологический контекст в учебный процесс высшего учебного заведения, а также в оценке ее педагогической эффективности.

Лабораторный эксперимент был проведён с участием 20 студентов образовательных программ «Химическая технология» и «Химия-Биология». Эксперимент длился три недели (по 2 академических часа в неделю). Для оценки динамики усвоения материала проводилось анонимное анкетирование на платформе Google Forms до и после эксперимента (всего получено 40 ответов, соблюдены этические нормы).

Получение активированного угля. Активированный уголь студенты получили из измельчённой рисовой соломы и шелухи путём карбонизации в трубчатой печи при температуре 500°C в течение 100 минут со скоростью нагрева 10°C/мин с последующей активацией паром при 800°C (соотношение вода:карбонизат=2:1) [3].

Очистка сточных вод и химический анализ. Для очистки воды, чтобы проверить эффективность полученного сорбента, студенты взяли 30 г активированного угля помещали в делительную воронку, через которую пропускали сточную воду. Анализ воды студенты (общая жёсткость, щёлочность, содержание Ca^{2+} , Mg^{2+} , SO_4^{2-} , Cl^- , CO_3^{2-} , HCO_3^- , pH, общая минерализация) проводили до и после очистки.

Результаты химического анализа. После обработки активированным углём содержание всех загрязнителей значительно снизилось: содержание кальция уменьшилось со 121 до 10,8 мг/дм³, магния – с 30 до 16 мг/дм³, хлоридов – с 308 до 60 мг/дм³, карбонатов – с 1152 до 73 мг/дм³, а общая жёсткость снизилась с 3,05 до 2,8 °dH.

Изменение уровня знаний студентов. Для оценки динамики до и после лабораторного эксперимента было проведено анонимное онлайн-анкетирование. Тема эксперимента: «Применение технологии переработки отходов в учебных лабораторных исследованиях: очистка сточных вод сорбентом из рисовой соломы и шелухи в Кызылординской области».

До эксперимента на примере 10 студентов результаты показали, что большинство студентов имели ограниченное понимание процесса карбонизации и использования сорбентов из сельскохозяйственных отходов. Процент правильных ответов составил от 8 % до 38 %. Более того, до 92 % студентов испытывали трудности в теоретическом обосновании стадий получения активированного угля и понимании применения аналитических методов. Также отмечался низкий уровень уверенности при работе с лабораторным оборудованием.

После выполнения всех этапов лабораторного эксперимента студенты повторно прошли аналогичное анкетирование. Результаты показали значительное улучшение как теоретических, так и практических знаний по теме. Процент правильных ответов вырос до 80–93 %. Остальные группы продемонстрировали аналогичные положительные тенденции.

Обратная связь студентов: групповая дискуссия. После завершения эксперимента была проведена групповая дискуссия. Результаты обсуждения: 75 % студентов отметили вдохновляющий эффект экологической направленности эксперимента; 93 % сообщили о повышении интереса к предмету; 78 % заявили, что их собственные знания расширились; 82 % нашли лабораторный эксперимент интересным и полезным; 83 % отметили, что приобретённые навыки применимы в будущей деятельности.

Несмотря на значительные начальные трудности (92 % испытывали сложности на старте, 72 % чувствовали неуверенность, которая позже сменилась интересом), к концу эксперимента 74 % студентов отметили повышение уверенности, а 69 % – осознание важности устойчивых технологий. Кроме того, 68 % студентов не имели предварительного опыта работы с подобными практиками, что подчёркивает значимость данной формы обучения. Студенты подчеркнули, что предложенный формат был вовлекающим и мотивирующим, способствующим развитию самостоятельности, исследовательского мышления и способности применять теоретические знания на практике.

Проведённые лабораторные эксперименты показали успешную интеграцию экологически ориентированных технологий в образовательный процесс. Получение активированного угля из сельскохозяйственных отходов и проверка его эффективности по очистке воды позволило студентам:

1. Расширить знания о типах отходов и их переработке.
2. Сформировать навыки переработки сельскохозяйственных отходов по замкнутому циклу.
3. Повысить уровень профессиональных компетенций и экологической ответственности.

Результаты онлайн тестирования подтвердили значительный рост знаний студентов (с 8–38 % до 80–93 %) и их интереса к проблемам устойчивого развития. Данный лабораторный практикум может быть рекомендован для внедрения в университетские программы химических, экологических и педагогических специальностей.

Библиографический список

1. Adams, D.L. Issues-Directed Chemistry: Teaching Chemical Reactions Using Waste Treatment. *J. Chem. Educ.* 1999, 76 (8), 1088. DOI: 10.1021/ed076p1088.
2. Jacobsen, E.K. Water Filtration. *J. Chem. Educ.* 2004, *81* (2), 224A. DOI: 10.1021/ed081p224A.
3. Патент РК №3892 на полезную модель. Способ получения активированного угля из рисовой соломы и шелухи, 2018.

ФОРМИРОВАНИЕ ФАСИЛИТАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

EDN KUIEMW

Г. Е. Токмырзаева

*PhD докторант,
Жетысуский университет
имени И. Жансугурова,
г. Талдыкорган, Казахстан*

Summary. The article examines the issues of developing students' facilitation competence. The essence of the concept of "facilitation competence" is revealed, and the pedagogical conditions for its development within the higher education process are identified. Particular attention is paid to active and interactive teaching methods that promote the development of collaboration, reflection, and effective communication skills.

Keywords: facilitation; facilitation competence; students; professional training; higher education; communication; collaboration.

Актуальность формирования фасилитационной компетентности обусловлена изменением роли специалиста в современном обществе. Сегодня востребованы профессионалы, способные не только передавать знания, но и организовывать сотрудничество, стимулировать активность участников, поддерживать конструктивный диалог и способствовать коллективному решению задач. Особенно важным данное качество становится для будущих педагогов, деятельность которых непосредственно связана с организацией взаимодействия обучающихся.

Понятие фасилитации связано с идеями гуманистической психологии. Карл Роджерс рассматривал фасилитацию как процесс создания условий, способствующих личностному развитию человека. По мнению ученого, эффективное обучение происходит в атмосфере доверия, поддержки и сотрудничества, где обучающийся выступает активным субъектом образовательного процесса [1].

В современной педагогической науке фасилитационная компетентность рассматривается как интегративное качество личности, включающее знания о групповой динамике, умения организовывать взаимодействие участников, навыки коммуникации, а также готовность к рефлексивной деятельности [2]. Она обеспечивает способность специалиста выступать организатором совместной деятельности, направленной на достижение образовательных и профессиональных целей.

Исследователи отмечают, что фасилитационная компетентность является важной составляющей профессиональной подготовки студентов, поскольку способствует развитию лидерских качеств, коммуникативной культуры, ответственности и способности к принятию решений в условиях коллективной деятельности [3].

Эффективное формирование фасилитационной компетентности студентов возможно при соблюдении ряда педагогических условий.

Прежде всего, важным условием является создание образовательной среды, ориентированной на сотрудничество и активное взаимодействие участников учебного процесса. Такая среда способствует развитию коммуникативных навыков, формированию доверительных отношений и повышению мотивации студентов к совместной деятельности.

Не менее значимым является использование активных и интерактивных методов обучения. К ним относятся дискуссии, дебаты, проектная деятельность, кейс-методы, тренинги, деловые и ролевые игры. Данные методы позволяют студентам приобретать практический опыт организации взаимодействия, развивать навыки аргументации и конструктивного общения.

Особую роль играет организация групповой работы. Выполнение коллективных заданий способствует развитию ответственности, умения распределять обязанности, учитывать мнения других участников и достигать согласованных решений.

Важным условием также является развитие рефлексивной культуры студентов. Рефлексия позволяет осмысливать собственный опыт взаимодействия, выявлять успешные стратегии поведения и корректировать профессиональные действия. Регулярное использование рефлексивных заданий способствует более глубокому осознанию студентами своей роли в организации групповой деятельности.

Эффективному развитию фасилитационной компетентности способствует внедрение цифровых образовательных технологий. Использование онлайн-платформ, виртуальных досок, сервисов для совместной работы и цифровых инструментов коммуникации расширяет возможности организации взаимодействия и позволяет студентам осваивать современные формы фасилитационной деятельности.

Таким образом, фасилитационная компетентность представляет собой качество личности студента, обеспечивающее способность организовывать продуктивное взаимодействие участников образовательного процесса и содействовать достижению общих целей. Целенаправленная работа по развитию данной компетентности способствует повышению качества профессиональной подготовки студентов и формированию специалистов, способных эффективно взаимодействовать в условиях современного общества.

Библиографический список

1. Роджерс К. Свобода учиться. – М.: Смысл, 2002. – 527 с.
2. Коротаева Е. В. Педагогика взаимодействий в образовательном процессе. – М.: Академия, 2017. – 256 с.
3. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 42 с.

ЗНАЧЕНИЕ ИНТОНАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВИЛЬНОЙ РЕЧИ У ДЕТЕЙ

EDN OVKRUB

Н. В. Щерба

*Учитель-логопед, дефектолог,
Школа № 1222
имени Маршала Советского Союза
И. Х. Баграмяна,
г. Москва, Россия*

Summary. The article describes the role of intonation in the process of a child's speech development. It highlights the importance of the intonational component of a child's interaction with their mother in the first days and months of life. The article also emphasizes the significance of family involvement in the development of a child's correct speech. It demonstrates the effectiveness of the child's acquisition of rhythmic and intonational expressive language tools in coordinating the left and right hemispheres of the brain, as well as in developing the auditory and speech-motor analyzer.

Keywords: intonation; family; child; mother's voice; communication.

Важным фактором в формировании и развитии речи малыша является социальная среда. Для маленького ребенка это семья: мать, отец, бабушки, дедушки и другие ее члены. Не понимая значения слов и фраз, новорожденный способен реагировать на интонацию, выделять материнский голос от других голосов, в свою очередь и мать способна узнать своего малыша по крику.

Значение интонации в жизни человека велико: она передает эмоциональное состояние говорящего, выражает его внутренне отношение к тому, что он говорит. Интонация позволяет сделать речь человека индивидуальной и представляет собой более сложную структуру в отличие от фонем. Она включает в себя такие параметры, как: мелодику, ритм, длительность, интенсивность, ударение, паузы, темп, тембр и др.

По мнению многих авторов, ритмико-интонационная сторона речи у ребенка вступает на более высокий уровень, чем слово и предложение. О. Е. Грибова утверждала, что в процессе становления речи ребенка, интонационная составляющая, является основой развития смысловой стороны высказывания.

Доказано, что, находясь во внутриутробном периоде развития, малыш уже слышит голос матери, ее пение. По мнению Р. И. Асафьева, любая гармония звуков имеет интонационную природу, поэтому так важно для ребенка слышать колыбельные песни матери, ее ласковый голос, приятный тембр.

Как показали исследования М. М. Кольцовой, в первые месяцы жизни при общении со взрослым слово воспринимается ребенком как компонент комплексного раздражителя, в который входит положение тела ребенка, обстановка, вид говорящего, его голос и интонация [2, с. 30].

Малыш не только на биологическом, но и на психологическом уровне воспринимает от матери первообраз языка, его интонацию, что впоследствии непременно отразится в его лепете. Поэтому так важно на первых порах развития ребенка разговаривать с ним, не бояться петь мелодии, читать малышу сказки, прибаутки, ритмические потешки и т. д.

Прививая интерес к звукам окружающего мира, к человеческому голосу, у ребенка происходит ответная реакция на голосовые и слуховые раздражители, формируется слуховое восприятие, развивается фонематический слух. У малыша уже появляются первые предпочтения, например, к женскому голосу, к определенным вокальным произведениям: песенкам, прибауткам т. д.

Немаловажная роль в воспитании правильной речи ребенка принадлежит отцу и старшему поколению – бабушкам и дедушкам. Различие тембральной окраски, голосовых модуляций обогащают слуховые представления малыша, формируют образ интонационных различий мужской и женской речи. Старшее поколение, имея богатый жизненный опыт, способно передать подрастающему поколению наследие народных песен, былин, сказок, потешек и прибауток. Ребенок начинает испытывать истинное удовольствие от общения с родными, прислушиваться к человеческому голосу, эмоционально реагировать на речь.

По мнению В. А. Гиляровского, интонационные игры положительно влияют на общий речевой тонус, настроение, развивают моторику, подвижность нервных процессов, активизируют кору. Нейропсихологами доказана эффективность овладения ребенком ритмико – интонационных выразительных средств языка в координационной работе левого и правого полушарий головного мозга. Полноценное общение с ребенком в первые месяцы жизни стимулирует корковый и периферический отделы слухоречевого анализатора ребенка, а его ответные голосовые реакции, вызванные по подражанию, развивают речедвигательный анализатор [2, с. 35].

На протяжении всего развития ребенка его генетические биологические возможности реализуются в социальной культурной среде лишь в конкретных адаптивно целесообразных направлениях, и это создает из биологического организма человеческую личность... В этом заключается главный смысл данной ценностной перестройки, основы которой бессознательно закладываются поведением любящей матери [3, с. 30].

Таким образом, образцом в воспитании у ребенка правильной речи должна стать семья и первоочередное значение в этом отводиться матери. Только в социально благополучной семье, при достаточном количестве использования ритмико-интонационных средств воздействия на ребенка, с опорой на его слуховое восприятие, можно воспитать гармоничную личность, привить у ребенка любовь к родному языку.

Библиографический список

1. Александрова Л. Ю., Спирина Н. П. Гармонизация просодических возможностей детей как педагогическая проблема. – В. Новгород, 2006. – 23 с.
2. Архипова, Е. Ф. Логопедическая работа с детьми раннего возраста М.: АСТ: Астрель, 2007. – 242 с.
3. Винарская Е. Н., Богомазов Г. М. Возрастная фонетика. – М.: Астрель, 2005. – 206 с.
4. Лурия А. Р. Развитие значений слов в онтогенезе // Хрестоматия по психолингвистики / под ред. И. Н. Горелова, К. Ф. Седова. – М.: Лабиринт, 2004

РОЛЬ ДРАМАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ В РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

EDN ХОРХЗМ

Э. Уайдуллакызы

Р. Т. Абдукерова

*PhD, ассоциированный профессор,
Кызылординский университет
имени Коркыт Ата,
воспитатель,
IT-ясли-сад «Сыр шуагы»,
г. Кызылорда, Казахстан*

Summary. In contemporary preschool education research, increasing attention is being paid to the development of soft skills. Among them, dramatic skills occupy an important place. The purpose of this article is to examine the role of dramatic skills in the development of preschool children based on contemporary international research.

Keywords: skill; development; drama pedagogy; preschool education; speech; emotion.

Современное дошкольное образование ориентировано не только на формирование базовых знаний и умений, но и на развитие личности ребенка, его способности взаимодействовать с окружающим миром. В связи с этим особую актуальность приобретает использование методов обучения, основанных на игре, творчестве и активном участии детей в образовательном процессе.

Одним из наиболее эффективных средств развития дошкольников является драматическая деятельность. Она включает ролевые игры, инсценировки, театрализацию, импровизацию и другие формы творческого взаимодействия. Благодаря таким видам деятельности дети получают возможность исследовать окружающий мир через различные роли и ситуации, развивать коммуникативные способности и эмоциональную сферу.

В последние годы зарубежные исследователи уделяют значительное внимание изучению влияния драматических навыков на развитие детей раннего и дошкольного возраста. Результаты этих исследований подтверждают высокий потенциал драматической педагогики как инструмента всестороннего развития личности ребенка.

Исследование М. Р. Celume показало, что использование драматической педагогики способствует развитию социально-эмоциональных компе-

тенций детей [1]. Во время театрализованной деятельности ребенок не просто воспроизводит определенную роль, а старается понять внутренний мир персонажа, его переживания и мотивы поведения. Такой опыт способствует развитию способности смотреть на ситуацию с разных точек зрения и формирует основы эмоциональной зрелости.

Кроме того, драматическая деятельность помогает детям безопасно выражать свои эмоции. Через игру ребенок может продемонстрировать радость, страх, грусть или волнение, не опасаясь негативной оценки со стороны окружающих. Это особенно важно в дошкольном возрасте, когда эмоциональная саморегуляция только начинает формироваться.

Согласно исследованию К. А. Bernstein и соавторов, использование драматизированного сторителлинга (drama-based storytime) способствует улучшению понимания содержания рассказов, развитию навыков пересказа и повышению качества устной речи дошкольников [2]. Это объясняется тем, что театрализация требует активного использования языка. Ребенок должен запоминать реплики, вести диалог, изменять интонацию, подбирать подходящие слова для передачи характера персонажа. В результате расширяется словарный запас, развивается связная речь и совершенствуются коммуникативные навыки.

Современные зарубежные исследования подтверждают эффективность драматических методов в развитии социальных навыков. В исследовании Şenol было выявлено, что программы драматического образования способствуют улучшению сотрудничества, взаимодействия и навыков совместной деятельности у детей дошкольного возраста [3]. Во время подготовки театрализованной постановки дети учатся распределять роли, договариваться, слушать мнение других участников и принимать коллективные решения. Эти навыки являются важной основой успешной социализации.

Согласно исследованию Lenakakis, посвященному использованию кукольного театра в дошкольном образовании, драматическая деятельность способствует развитию креативности, воображения и способности к нестандартному мышлению. Участие в театральных постановках позволяет детям самостоятельно создавать образы, придумывать сюжеты и находить оригинальные способы решения игровых задач.

Таким образом, включение драматических упражнений, ролевых игр и театрализованных постановок в практику дошкольного образования способствует созданию благоприятных условий для гармоничного развития ребенка и его успешной подготовки к дальнейшему обучению.

Библиографический список

1. Celume M. P. Developing Children's Socio-Emotional Competencies Through Drama Pedagogy Training // *European Journal of Psychology Open*. – 2020. Vol. 16(4), 707–726, <https://doi.org/10.5964/ejop.v16i4.2054>.

2. Bernstein K. A., Hadley E. B., Hirsh-Pasek K. Drama-based, embodied story time supports preschoolers' listening comprehension and recall // Early Childhood Research Quarterly. – 2024. Vol. 66. – P. 178–190.
3. Lenakakis A. Puppet Theatre and Creativity Enhancement in Preschoolers // National Journal of Drama Education. – 2025. – 48(1).

ЗНАЧЕНИЕ ИНКЛЮЗИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

EDN EQKYSV

Э. Уайдуллакызы

Р. Т. Абдукерова

*PhD, ассоциированный профессор,
Кызылординский университет*

имени Коркыт Ата,

воспитатель,

IT-ясли-сади «Сыр шуагы»,

г. Кызылорда, Казахстан

Summary. In recent years, increasing attention has been paid to ensuring equal access to quality education for all children regardless of their individual characteristics and educational needs. Therefore, the importance of inclusive competence in preschool education is growing. The purpose of this article is to examine the significance of inclusive competence in preschool education based on contemporary international research.

Keywords: inclusion; inclusive competence; preschool education; development; teacher.

В последние десятилетия инклюзивное образование стало одним из приоритетных направлений развития образовательных систем многих стран мира. Основная идея инклюзии заключается в обеспечении равных возможностей для обучения и развития всех детей независимо от состояния здоровья, особенностей развития, социального положения или культурной принадлежности.

Инклюзивная компетентность представляет собой способность педагога эффективно организовывать образовательный процесс в условиях разнообразия обучающихся. Она включает знание принципов инклюзивного образования, понимание особенностей развития детей с различными образовательными потребностями, владение современными педагогическими технологиями и готовность к сотрудничеству с семьей и специалистами сопровождения.

Согласно исследованию Ainscow и Sandill, успешная реализация инклюзивного образования зависит не столько от наличия специальных программ, сколько от готовности педагогов создавать условия для участия каждого ребенка в образовательном процессе [1]. Авторы подчеркивают, что инклюзивная компетентность является важнейшим фактором формирования инклюзивной культуры образовательной организации. Одним из ключевых условий успешного дошкольного образования является создание безопасной и поддерживающей образовательной среды. В условиях инклюзивного обучения эта задача приобретает особую значимость.

Исследование Sharma, Loreman и Forlin показало, что уровень инклюзивной компетентности педагогов напрямую влияет на их отношение к детям с особыми образовательными потребностями и на эффективность взаимодействия с ними [2]. Педагоги, обладающие высоким уровнем профессиональной подготовки в области инклюзии, чаще используют индивидуальный подход, создают атмосферу принятия и способствуют активному участию всех детей в образовательной деятельности. В дошкольном возрасте дети особенно чувствительны к эмоциональному климату группы. Поэтому способность воспитателя поддерживать уважительные отношения между детьми, предотвращать проявления дискриминации и формировать культуру сотрудничества становится важным компонентом его профессиональной деятельности.

Инклюзивная компетентность позволяет педагогу учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка и одновременно формировать чувство принадлежности к коллективу. Это способствует успешной адаптации детей и развитию позитивных социальных отношений.

Социализация является одной из важнейших задач дошкольного образования. В инклюзивной образовательной среде дети получают возможность взаимодействовать со сверстниками, отличающимися по своим способностям, интересам и жизненному опыту. Инклюзивная компетентность помогает воспитателю организовывать совместную деятельность детей таким образом, чтобы каждый ребенок чувствовал себя значимым участником группы. В процессе совместных игр, творческих проектов и образовательных занятий формируются навыки общения, сотрудничества и решения конфликтных ситуаций.

Особую роль играет практический опыт работы в инклюзивной среде. В процессе взаимодействия с детьми, родителями и специалистами сопровождения педагоги приобретают навыки решения реальных профессиональных задач и совершенствуют собственные компетенции.

Инклюзивная компетентность позволяет педагогам учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка, организовывать совместную деятельность детей с различными образовательными потребностями и формировать культуру уважения к разнообразию. В современных условиях развития образования развитие инклюзивной компетентности педагогов следует рассматривать как одно из приоритетных направлений совершенствования системы дошкольного образования.

Библиографический список

1. Ainscow M., Sandill A. Inclusive Education and Social Justice // Education Sciences. – 2010. – Vol. 3(1). – P. 1–16.
2. Sharma U., Loreman T., Forlin C. Measuring Teacher Efficacy to Implement Inclusive Practices // Journal of Research in Special Educational Needs. – 2012. – Vol. 12(1). – P. 12–21.

III. PHILOLOGY

ПРОБЛЕМНОЕ ОБУЧЕНИЕ – РАБОТА НА РЕЗУЛЬТАТ

EDN BSXBSD

Н. В. Кудасова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Рязанское гвардейское
высшее воздушно-десантное
командное училище
имени генерала армии В. Ф. Маргелова,
г. Рязань, Россия*

Summary. The article discusses one of the most effective ways to solve academic problems in the process of learning a foreign language the principle of problem-based learning. Its value lies in the fact that cadets acquire knowledge on their own based on the emergence of interests and responsibility

Keywords: mental activity; cognitive need; language and pre-speech tasks.

Эффективным способом решения является применение принципа проблемного обучения, который предполагает включение обучаемых в процесс поиска решения новых проблем. Основная идея проблемного обучения заключается в том, что знания в значительной своей части не передаются курсантам в готовом виде, а приобретаются ими в процессе самостоятельной познавательной деятельности.

Проблемное обучение – это совокупность дидактических приемов, обеспечивающих активизацию мыслительной деятельности на всех этапах учебных занятий путем создания проблемной ситуации.

Проблемная ситуация – базовое понятие проблемного обучения. Это особый прием включения курсанта в работу еще до того, как он получил информацию, составляющую для него новое знание. Основная дидактическая функция учебной проблемной ситуации состоит в том, чтобы возбудить интерес к поставленной проблеме и показать, что для ее решения знаний, которыми обладает аудитория, уже недостаточно.

Источником проблемности является, таким образом, противоречие между требованиями задач и готовностью курсанта выполнить их. Стимулом для познавательной активности становится познавательная потребность, зависящая, в свою очередь, от значимости информации, которая может быть получена в результате решения проблемы, а также интереса, который вызывает у курсанта изучаемая тема. Кроме того замечено, что важным приемом активизации мыслительной деятельности курсантов является такая постановка задачи, которая приобретает для них социально значимый смысл.

Проблему представляет курсантам учебный текст, в нем самом и в сопровождающем его учебно-методическом аппарате задается «поворот» проблемы, закладываются проблемные ситуации.

Созданию проблемной ситуации на занятиях предшествует подготовительная работа преподавателя, направленная 1) на подготовку материала; 2) на обеспечение курсантов определенными знаниями, без которых они не смогут решить учебную проблему.

1. Поскольку содержательной основой системы проблемных заданий является текст, то одной из главных задач подготовительной работы преподавателя является отбор текстов. Основным мотивом при отборе текста должна быть его актуальность для учащихся и дисциплинированность, то есть заложенная в нем основа для полемики, для множественных подходов к решению тех или иных вопросов. Выбрав текст, преподаватель составляет познавательные задачи. Для этого необходимо:

а) отобрать круг вопросов, на основе которых будет создана проблемная ситуация; эти вопросы вводят курсантов в общую проблематику текста, пробуждают в них интерес к данной проблеме, дают возможность убедиться, что имеющихся у них знаний недостаточно для решения данной задачи, ставят их перед необходимостью приобретения новых знаний, стимулируя потребность обращения к источнику информации – тексту;

б) выделить в тексте важнейшие проблемы, разработать систему эвристических вопросов, требующих при ответе логического размышления и в то же время допускающих некоторую вариативность.

При подготовке проблемной ситуации и ее решения формулируются вопросы различной степени трудности, рассчитанные на обучаемых разного уровня подготовки. Оно помогает преподавателю активизировать всех учащихся.

2. Для решения учебной проблемной ситуации курсанты должны иметь) общеинтеллектуальную подготовку, предполагающую наличие достаточно развитого логического мышления, владение элементарными умениями научно-исследовательского поиска;

б) сформированные речевые навыки и умения: ведение диалога-беседы с целью обмена информацией, продуцирование монолога-описания, монолога-рассуждения.

Решение речевых задач обеспечивается системой предтекстовых языковых и послетекстовых речевых заданий.

В результате применения такой методики обучения предполагается выработать у курсантов умение ведения дискуссии с аргументированием, обоснованием собственной точки зрения, выражением согласия или несогласия с мнением собеседника, опровержением точки зрения оппонента.

Занятие, построенное на основе принципа проблемности, имеет следующую структуру:

1. Создание проблемной ситуации – ориентирующие задания. Ориентирующие задания служат мотивом к выполнению языковых заданий (в

плане выражения) и мотивом для обращения к тексту (в плане содержания). Поэтому к ориентирующим заданиям учащиеся обращаются в два этапа. На занятии предшествующем переходу к новой теме, обучаемым предлагается дома ознакомиться с ориентирующими заданиями и поразмышлять над поставленными в них проблемами. Затем, после самостоятельного выполнения лексико-грамматических заданий, учащиеся (уже в аудитории) снова обращаются к ориентирующим заданиям. Работа проходит в форме беседы. Задания расположены в усложняющейся последовательности по принципу градуальности. Последнее задание имеет такую степень сложности (проблемности), которую курсанты не могут преодолеть, опираясь на имеющиеся знания.

2. Подготовка к решению проблемных задач – языковые, предречевые задания для внеаудиторной самостоятельной работы.

С целью эффективного усвоения языковых средств, необходимых для коммуникации в условиях проблемной ситуации, используются лексико-грамматические задания, выполнение которых, во-первых, содействует повторению, углублению, активизации базисных языковых знаний, во-вторых, знакомит с различными лексическими и грамматическими средствами, необходимыми для выполнения проблемных заданий.

Учащимся предлагаются лексические задания, вводящие актуальную лексику текста, необходимую для его понимания и воспроизведения. При этом используются такие формы лексической работы, где ведущую роль играет языковая догадка: определения значения слова на основе «внутреннего» и «внешнего» контекста, большая часть заданий рекомендуется для самостоятельной работы курсантов.

Грамматические и синтаксические задачи состоят из двух ступеней: сначала учащиеся наблюдают и анализируют определенные речевые модели, причем признаки моделей в задании не указаны. Проанализировав модель, курсанты выводят правило, трансформации и используют самостоятельный выбор при выполнении задания. Содержание моделей от задания к заданию усложняется. Задания предполагают самостоятельный выбор соответствующих языковых средств (форма слова, слова, предположения) для построения синтаксически правильного высказывания. Главная задача таких заданий – автоматизация навыков использования предъявляемого языкового явления на коммуникативной основе.

Задания второго этапа должны подготовить переход курсантов от действий, направленных на выработку автоматизма во владении языковыми формами, к порождению высказывания в связи с предложенной темой и ситуацией.

Поиск путей выхода из проблемной ситуации – обращение к тексту.

После выполнения лексико-грамматических упражнений и обсуждения вопросов, поставленных в ориентирующих заданиях, учащиеся знакомятся с текстом, из которого они должны извлечь информацию, необходимую для решения проблемы, поставленной ориентирующими заданиями.

Выделяя речевые стереотипы, клише, связанные с определенными речевыми ситуациями, необходимо, с одной стороны, разграничивать выражение значения грамматическими или лексическими средствами, с другой – анализировать взаимодействие лексики и грамматики.

Примером взаимодействия грамматических и лексических значений являются предложения с частицей *не* в составе вопросительных предложений, где частица *не* в соединении с другими грамматическими элементами, а также в зависимости от лексической сочетаемости или вовсе не вносит отрицательного значения в предложение, или входит в состав выражений, обладающих дополнительными модальными и модально-экспрессивными значениями.

Решение заданной проблемы – послетекстовые задания. Послетекстовые задания по ориентации в структурно-смысловой организации текста помогают учащимся «увидеть» композицию текста выделить в нем отдельные структурно-смысловые компоненты, выявить информационные центры текста. Далее излагаются речевые задания, развивающие и закрепляющие навыки и умения говорения. Выполняя речевые задания, курсанты учатся обосновывать мнения, доказывать какие-то положения, подводить итог, обобщать, сопоставлять и сравнивать.

Использование полученных знаний в новых ситуациях, выход за пределы данного текста – итоговые задания.

Итоговые задания предполагают применение усвоенных знаний в новых ситуациях. Работа начинается в форме беседы – дискуссии, построенной на основе эвристических вопросов по тематике текста; затем переходит в проблемные монологи. Можно предложить ролевые игры. Когда учащиеся исполняют роли в воображаемых, но обязательно возможных ситуациях.

Итак, задания всех пяти этапов носят в большей или меньшей степени творческий характер. Они помогают развить у обучаемых познавательную активность, способность анализировать как языковые, так и экстралингвистические явления, самостоятельную деятельность, умение вести дискуссию и находить ключ к той или иной проблеме, то есть активизируют внутренние резервы личности.

Библиографический список

1. Мусатова Г. А. Проблемные аспекты профессионально ориентированной языковой подготовки иностранных военнослужащих / Г. А. Мусатова // Научный резерв. – Рязань: РВВДКУ, 2020. – № 4 (12). – С. 118–124.
2. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие для вузов / А. Н. Щукин. – Москва : Высшая школа, 2003. – 334 с.

**«НО СЕЙЧАС, К СОЖАЛЕНИЮ, ОНИ ТАМ НЕ ЖИВУТ»:
ЖАЛОСТЬ КАК ОБРАМЛЯЮЩИЙ МОТИВ
В ПОВЕСТИ Ю. В. ТРИФОНОВА «ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ»**

EDN CFXXWC

Д. Р. Муленкова

Студентка,
Самарский государственный
университет,
г. Самара, Россия

Summary. The article analyses a novella about a love triangle, in which the characters' pity leads to ruin. The key focus of the study is the compositional frame defined by the image of the "Meat" shop, which has appeared on the site where lilacs once bloomed. This symbolises the irreversible loss of the past, which is mirrored in the characters' final regrets. Through the mismatch of viewpoints, the author creates an ironic sadness. Pity becomes not just the characters' emotion, but the narrative's own stance, turning the title into a metaphor for a prolonged inner farewell.

Keywords: Yu. V. Trifonov; novella; compositional frame; focalisation.

Главная героиня, актриса Ляля, разрывается между двумя драматургами – провинциальным Николаем Смоляновым и своим гражданским мужем Григорием Ребровым. Ляля начала отношения с Смоляновым из жалости, продолжая жить с Ребровым, которого также жалела. Ключевым моментом становится предательство Смолянова, после чего она разрывает с ним отношения. Ребров узнает об измене Ляли и расстается с ней.

История Ляли и её неудачного брака с Ребровым сопровождается размышлениями автора о месте действия. В начале произведения рассказчик упоминает, что там, где в молодости героев цвела сирень, теперь находится магазин «Мясо». Автор с грустью вспоминает о сирени, символизирующей утраченное прошлое, и с иронией отмечает, что герои больше не смогут воспользоваться возможностями нового магазина.

«А сейчас им было бы очень удобно покупать мясо. Но сейчас, к сожалению, они там не живут»

Преамбула повести соотносится с финалом. Ляля проезжает мимо того же дома с магазином «Мясо» и сожалеет о прошлом: *«Ей вспоминается вдруг что-то из прошлой жизни... и она испытывает странную мгновенную боль, сжатие сердца, не то радость, не то сожаление от того, что все это было с ней когда-то»* [1, с. 215]. Ляля узнаёт об успехе Реброва, который уже не влияет на неё. Ситуация зеркальна: раньше герои «не жили» там, где появился магазин, теперь Ляля «не живёт» в пространстве успеха Реброва. В финале Ребров сожалеет о прошлом, где романтические отношения важнее прагматического успеха, о чём Ляля не знает. Жалость становится композиционной рамкой повести, открывая её через мотив утраты и завершаясь этим чувством у героев. Внешняя утрата пространства и времени отражается во внутренней утрате любви и несостояв-

шихся отношениях. Автор выражает сожаление героев об ушедшей молодости и переводит эти чувства в художественное обобщение.

Анализ фокализации в романе (в частности, с помощью модели Б. А. Успенского [2], различающей четыре плана проявления точки зрения: идеологический, фразеологический, пространственно-временной и психологический) позволяет заметить важную особенность. Сожаление как композиционная рамка повести строится на систематическом несовпадении этих планов. Читатель видит больше, чем каждый из героев, но меньше, чем «всезнающий» автор. В пространственно-временном плане повествователь с самого начала смотрит на события со стороны и знает будущее: там, где когда-то цвела сирень, теперь открылся магазин «Мясо». Это внешняя позиция. Но в плане оценки он ведёт себя сложнее: он искренне сожалеет о сирени (как бы изнутри, вместе с героями), а тут же иронизирует насчёт мяса, отстраняясь. По Б. А. Успенскому, ирония как раз и возникает, когда сталкиваются две оценочные позиции – внутренняя и внешняя.

В начале повести доступ к чувствам героев закрыт: мы не знаем, что переживают Ляля и Ребров. Это соответствует тому, что Б. А. Успенский называл «внешней точкой зрения в плане психологии». А в финале автор соединяет их сожаления и сам к ним присоединяется. Здесь нельзя сказать, что точка зрения просто «внешняя» или просто «внутренняя». Она внешняя в одном плане пространства и времени и внутренняя в психологии и оценке, причём эти планы сдвинуты друг относительно друга. Данное несоответствие порождает тон, сочетающий грусть и иронию, что и определяет сущность повести.

Таким образом, все в повести сожалеют. Герои сожалеют о прошлом, а повествователь, отождествленный с образом автора, о скоротечности человеческой жизни. Получается обобщённое чувство, которое уже не принадлежит ни одному из персонажей, а становится позицией самого повествования. А читатель остаётся в незавершённом, «прощающемся» состоянии, отсюда и возникает *долгое прощание*. Название приобретает дополнительную смысловую трактовку длительного внутреннего процесса.

Библиографический список

1. Трифонов Ю. В. Московские повести. – Москва : Советская Россия, 1988. – 478 с.
2. Шмид В. Нарратология. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

EDN CHAOGD

Г. А. Мусатова

Кандидат филологических наук, доцент,
Рязанское гвардейское высшее
воздушно-десантное командное училище
имени генерала армии В. Ф. Маргелова,
г. Рязань, Россия

Summary. The article analyzes the functioning of military designations in various speech spheres. The author notes that studying the functional characteristics of professional vocabulary allowed us to understand the prevalence of professional units in the national language and the reasons for their viability.

Key words: professionalism; vocabulary; functional style; nomination.

Профессиональная лексика представляет собой огромный пласт языковых единиц активного использования. «В любом из трудовых коллективов, представляющих собой достаточно устойчивую социальную общность, естественно, существует целый ряд профессионализмов, то есть дублетов к официальным наименованиям» [2, с. 97].

Профессиональные наименования выполняют номинативную функцию, отражая «наивную картину мира конкретной профессии» [7, с. 83], давая характеристику именуемому объекту, выражая отношение говорящего к нему (например, *затяжка* – длинная капроновая лента, применяемая для зачековки клапанов ранца; *комдив* – командир дивизии, *качаться* – выполнять физические упражнения в большом количестве).

В качестве профессионализмов, как правило, используются языковые единицы общеупотребительной лексики, получившие профессиональное значение путем семантического переосмысления: *батарея* – воинское подразделение, состоящее из нескольких артиллерийских орудий; *зарядка* – предельно допустимое количество твёрдого, сыпучего или жидкого вещества, которое вмещается в ёмкости специальных машин и приборов; *башня* – военное бронированное возвышение для размещения в нём орудий.

Словосочетания «*заступить в наряд*, *пограничный наряд*, *наряд по училищу*» могут вызвать недоумение у людей, не имеющих отношения к военной профессиональной сфере, потому что слово «*наряд*» в данном случае имеет следующее значение: «подразделение или группа военнослужащих в воинской части, на корабле, в гарнизоне, назначаемые для несения внутренней, караульной или гарнизонной служб или для выполнения других задач». Данные примеры показывают, что общеизвестные слова, приобретая профессиональное значение, становятся непонятными широкому кругу читателей и слушателей. Такие номинации указывают «на определенную среду своего обитания» [7, с. 84].

Главная форма существования и функционирования профессионализмов – устная речь в профессионально-производственной деятельности человека.

Языковые особенности, характерные для разговорной речи, ярко представлены в профессиональном дискурсе, например, преобладание номинаций с конкретной семантикой над абстрактными лексемами: *бот* – название небольших парусных, парусно-гребных или моторных судов, подразделяющихся на десантные, лоцманские, промысловые, спасательные, водолазные. Интерес вызывают слова из других подсистем языка с первоначальной конкретной семантикой, которые в результате приспособления к профессиональному субъязыку переходят в разряд абстрактных. Например, «*воздушная подушка*» – зона повышенного давления воздуха между поверхностью земли или воды и несущей поверхностью корабля (судна) или летательного аппарата, а также между подвижными и неподвижными элементами некоторых механизмов и приборов (гироскопы, воздушные подшипники).

В профессиональной лексике имеются экспрессивные номинации с функцией характеристики обозначаемого объекта: *Бардак* (БРДМ) – Боевая разведывательно-дозорная машина; *Бумер* (БМП) – Боевая машина пехоты; «*гвозди*», «*маслята*», «*карандаши*» – патроны; «*Моська*», «*Мося*» – винтовка Мосина; «*Карабаха*» – карабин; «*Папаша*» – пистолет-пулемет Шпагина; «*Дёготь*» – ручной пулемет Дегтярева.

Лексика официально-делового стиля отличается особенной официальностью и «сухостью», даже «квазиэмоционально-экспрессивной окраской», то есть значительной долей «антиэмоциональности» [3, с. 213]. Коннотатная окраска профессионализмов, используемых в этом стиле, приглушается, отходит на задний план. Их основная функция – точнее передать контекстуальный и ситуативный смысл речи.

Рассмотрим «Приказ Министра обороны Российской Федерации от 29 декабря 2025 г. № 888 «О призыве в 2026 году граждан Российской Федерации на военную службу и об увольнении с военной службы граждан, проходящих военную службу по призыву».

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 29 декабря 2025 г. № 998 «О призыве в 2026 г. граждан Российской Федерации на военную службу и об увольнении с военной службы граждан, проходящих военную службу по призыву» приказываю:

1. Командующим войсками военных округов, военным комиссарам обеспечить совместно с исполнительными органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления организацию и проведение с 1 января по 31 декабря 2026 г. призыва на военную службу в Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы граждан Российской Федерации в возрасте от 18 до 30 лет, не пребывающих в запасе и подлежащих в соответствии с Федераль-

ным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Федеральный закон) призыву на военную службу...

3. Уволить в соответствии с Федеральным законом с военной службы из Вооруженных Сил Российской Федерации солдат, матросов, сержантов и старшин, срок военной службы по призыву которых истек.

4. Приказ объявить во всех ротах, батареях, эскадрильях и на кораблях.

Министр обороны Российской Федерации А. Белоусов

Приказ отличается официальным и строгим характером. В нем используются профессионализмы «*призыв, комиссар, старшина, эскадрилья, батареи и т. д.*», связанные с деятельностью военнослужащих. Цель документа – официально проинформировать общество о предстоящем наборе на военную службу, что влечет за собой употребление профессиональной военной лексики.

В функционально-стилистической системе литературного языка научный стиль характеризуется строгой нормированностью, кодификацией, однозначностью, незначительной образностью языковых единиц и недопустимостью эмоционально-экспрессивной окрашенности. Этот стиль отличается серьезной предварительной подготовкой высказывания, которое реализуется преимущественно в жанрах письменной формы речи, в основном, монологического характера (в монографиях, научных статьях, диссертациях, рефератах, тезисах, в научных докладах, лекциях, учебной и научно-технической литературе).

Главная функция профессиональной речи – оптимизация общения в условиях, заданных профессионально-производственной ситуацией, требующих быстрой реакции участника. Это определяет точность профессиональной речи, выраженную в конкретной и образной форме.

Чаще всего профессиональная лексика встречается в учебниках и учебных пособиях. Для анализа особенностей ее употребления рассмотрим текст из учебника «Огневая подготовка».

Выстрелом называется выбрасывание пули (гранаты) из канала ствола оружия энергией газов, образующихся при сгорании порохового заряда.

...От удара бойка по **капсюлю** боевого патрона, досланного в патронник, взрывается ударный состав капсюля и образуется пламя, которое через затравочные отверстия в дне гильзы проникает к пороховому заряду и воспламеняет его. При сгорании порохового (боевого) заряда образуется большое количество сильно нагретых газов, создающих в канале ствола высокое давление на дно пули, дно и стенки **гильзы**, а также на стенки ствола и **затвор**.

В данном тексте дается определение слова «выстрел», что усиливает его номинативную функцию, создает стилистический эффект, так как подчеркнуто выражает принадлежность слова к военно-профессиональной сфере. Слова «*капсюль, гильза, затвор*» однозначны и воспринимаются в

своем специальном значении. Эти профессионализмы не имеют аналогов в терминосистемах, поэтому используются в тексте как единственное средство наименования того или иного явления, например, *капсюль – колпачок с воспламеняющимся от удара взрывчатым веществом*.

Немало профессиональной лексики используется в справочной литературе, которая рассчитана на специалистов конкретной научно-производственной отрасли, где в процессе трудовой коммуникации чаще используются профессиональные слова для наименования объектов, процессов.

В «Словаре военных терминов» находим словосочетание «**воздушный коридор**» – *полоса воздушного пространства для пролёта летательных аппаратов, ограниченная по ширине, а иногда и по высоте; устанавливается в районах с особым воздушным режимом полётов*. Данные слова служат для номинации и содержат яркий образ, основанный на метафоризации значения, на употреблении слов, входящих в словосочетание, в переносном значении. Профессиональное наименование «**воздушный коридор**» не имеет синонимов, чем и объясняется его присутствие в тексте научного стиля.

Язык газетной журналистики выступает в качестве образца, формируя и закрепляя приобретенные навыки вербального общения, изменяя нормативные закономерности национального языка. Освещая жизнь общества, газеты не могут не затрагивать научную и профессионально-производственную сторону. Материалы такой направленности используют лексическую «подсистему, включающую специальные слова, необходимые лишь для данной профессии» [5, с. 117]. Использование специальной лексики в текстах газетных публикаций требует тщательного отбора и обдуманного подхода к ней.

Профессиональное название в газетном или журнальном тексте употребляется, чтобы стилизовать текст, то есть максимально приблизить его к действительности той профессионально-производственной сферы деятельности человека, о которой пишет автор, обеспечивая, таким образом, реалистический метод. Поэтому профессиональные слова часто встречаются в интервью, где создают речевые характеристики героев, в авторской речи журналиста.

В журнале «Российское военное обозрение» [6] читаем: ... Для успешного выполнения поставленной задачи расчёты зенитных ракетно-пушечных комплексов «**Панцирь-С**» создали **щит** противовоздушной обороны, прикрыв **район сосредоточения** ракетных войск от ударов авиации и крылатых ракет, средств дальнего **радиолокационного обнаружения** и постановщиков помех условного противника (Российское военное обозрение, 2019, № 9). Этот прием позволяет показать сопричастность автора с той проблемой, о которой он пишет, его компетентность в данной области. Это позволяет читателю почувствовать себя участником событий и вникнуть в их суть.

Номинативные профессиональные наименования играют «ведущую роль в коммуникативном процессе» и выступают «как понятийно-логические (объективные) ключевые» слова. Они служат названием основных объектов, явлений, действий и сжато передают «тема-рематическое движение информации» в конкретном тексте, точно определяя тему публикации [4].

Профессионализмы, выполняющие функцию непосредственного изображения действительности, называющие реалии, процессы, свойства, характерные для какой-либо специальности, становятся основополагающим элементом публицистического текста.

На открытой площадке конгрессно-выставочного центра «Патриот» были представлены новейшие и перспективные образцы вооружения и военной техники: пусковая установка зенитной ракетной системы С-350 «Витязь», зенитный ракетно-пушечный комплекс «Панцирь-СМ», самоходная артиллерийская установка 2С42 «Лотос», 82-мм самоходный миномет 2С41 «Дрок», машина РХБ-разведки РХМ-8, автомобиль «Тайфун» с легким минным тралом, беспилотные летательные аппараты «Охотник» (большой дальности) и «Корсар» (малой дальности) (Армейский сборник, 2019, № 8).

Профессионализмы, используемые в тексте, выполняют информативную функцию, показывают осведомленность автора в военно-профессиональной сфере, несмотря на то, что почти все они используются в переносном значении. Сравните: *витязь* – отважный, доблестный воин, *пусковая установка зенитной ракетной системы С-350 «Витязь»*; *дрок* – кустарниковое степное растение семейства бобовых с желтыми цветками, *82-мм самоходный миномет 2С41 «Дрок»*.

Профессиональные наименования занимают большое место как в языковой системе, так и в речевой деятельности человека, который много времени проводит в сфере профессионального общения.

Таким образом, в статье проанализированы основные функции современных военных профессиональных наименований в различных речевых сферах.

Библиографический список

1. Армейский сборник : журнал Министерства обороны Российской Федерации / Учредитель: Министерство обороны Российской Федерации. – 2019. – № 8. – URL: <http://army.milportal.ru/armejskij-sbornik> (дата обращения: 27.04.2026)
2. Бурцева, В. В. Профессионализмы в словарях / В. В. Бурцева // Русская речь. – 2005. – № 3. – С. 96–100.
3. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка: учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М.: Флинта, 2011. – 464 с.
4. Лату, М. Н. Военная терминология в современном политическом дискурсе / М. Н. Лату // Политическая лингвистика. – 2011. – № 3 (37). – С. 98–104.
5. Прохорова, В. Н. Актуальные проблемы современной русской лексикологии / В. Н. Прохорова. – М.: МГУ, 1993. – С. 117–123.

6. Российское военное обозрение: информационно-аналитическое издание Министерства обороны Российской Федерации / Учредитель: Министерство обороны Российской Федерации. – 2019. – № 9. – URL: <http://jurnali-online.ru/rossijskoe-voennoe-obozrenie> (дата обращения: 28.04.2026)
7. Сердобинцева, Е. Н. Речевые характеристики профессиональной лексики / Е. Н. Сердобинцева // Филологические науки. – 2006. – № 2. – С. 83–93.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЕКАТЕРИНБУРГ/УРАЛ» В ТЕКСТАХ УРАЛЬСКИХ РЭП-ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

EDN CQFPLU

А. А. Щелокова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Уральский государственный
университет путей сообщения*

А. И. Герасимов

*студент,
Уральский государственный
педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия*

Summary. The article is devoted to the examination of the local representation of the concept of «city» against the background of a comparison of external stereotype and internal perception. The study is based on a cognitive analysis of texts representing the rap culture of the Ural region, realizing the category of «friend/foe» through elements of meaning at levels (circles) of understanding.

Keywords: rap lyrics; image; concept; circle of understanding; Ekaterinburg.

Екатеринбург не является общепризнанной «столицей рэпа», но имеет сильную «уральскую рэп-школу», особенно влиятельную в 2000-х годах, рэп-культура стала составляющей регионального культурного бренда как уральский юмор («Уральские пельмени» и «Реальные пацаны») или уральский рок («Чайф», «Агата Кристи» и «Наутилус Помпилиус»). Интерес к рэп-тексту как таковому представлен в отечественном научном дискурсе [2; 5; 8 и др.]; также концептуализация города в рэп-текстах приводит к формированию локальной терминосистемы, которую мы обнаруживаем в современных исследованиях: репрезентация концепта «город» [6] поэтонимы, ономастическая «карта» русского рэпа [1] причем репрезентация или поэтоним могут выступать как объект исследования или служить поясняющим элементом.

Предметом настоящего исследования является контекстуальное употребление лексем, входящих в концепт «Екатеринбург/Урал», соотносящихся с универсальным концептом «город» в рэп-текстах региональных исполнителей, «основанное на многообразии концептуальных репрезентаций окружающего мира, передающих разные типы и виды знаний и, соответственно, обуславливающих множество способов их репрезентации в языке» [2, с. 18]. Принципиальным отличием данного анализа будет уход от стереотипов «Урал» и «Екатеринбург» в работах исследователей разных

уровней и направлений, где ключевые культурные символы формируют мифологизированный образ региона как «промышленного», «сурового», «настоящего» пространства. В тексте статьи представлена часть материала, что, по нашему мнению, не отразится на информативности, так как выбранные примеры наглядно представляют излагаемые теоретические положения (использованы в качестве примеров элементы текстов песен групп «АК-47», «Восточный округ», «Ек-Playaz», «4К», находящихся в свободном доступе в Интернете).

Клишированное выражение «опорный край», изначально относящееся к металлургии и машиностроению, переносится в концептуализации жителей других регионов форматно на все сферы деятельности уральцев, в том числе и на молодежную субкультуру, которая в свою очередь пытается создать собственный образ, отличный от всего существующего. Ср., например: «Двор навсегда остался укротным в масштабах края, что зовут «опорным»» (группа «Восточный округ»), где форма глагола «звать» представлена в 3-ем лице множественного числа, то есть зовут они, те, другие, кто за пределами края. Или ироничный манифест: «Моя столица не Амстердам, не Люксембург – район Берёзовский, город Екатеринбург» (группа «АК-47»), нарочито отрицая сравнения образа Москвы и Санкт-Петербурга с уральской столицей, что тоже достаточно часто приписывают уральским рэп-исполнителям.

Более того, Баландина Е. С. и Передриенко Т. Ю. пишут, что исследование ономастического концепта Урал позволило выявить разнообразные периферийные фрагменты, которые и конструируют данный концепт [2, с. 112], именно на эти фрагменты в текстах уральских рэп-исполнителей и хотелось бы обратить внимание. Речь идет о поэтонимах, включающих в себя неофициальные урбанонимы, эргонимы, антропонимы, прагматонимы и др., которые, образуя при этом некие круги понимания, приближают слушателя к категории «свой» в отличие от категории «чужой».

Круг первый – центр города, самый простой для понимания, не требующий глубоких знаний, информация максимально открыта, показательными будут примеры: «В клубах, падиках, на скамейках, в Сандее, в «Коллизее» (историческое здание первого городского театра, с 1912 г. – кинотеатр, с 2022 г. – театр «Провинциальные танцы» в центре Екатеринбурга)» (группа «АК-47»); «Пиф-паф – и убит очередной Геннадий Букин (главный герой популярного российского ситкома «Счастливы вместе», который работал в обувном магазине «Обувь от Саши Самойленко» в торговом центре «Гринвич», рядом с которым в 2011 г. установили статую Гены Букина)» (группа «АК-47»).

Во втором круге понимания появляются неофициальные урбанонимы и прагматонимы, выполняющие различительную функцию «свой/чужой» и позволяющие идентифицировать объекты. Ср.: «Стоптал за сутки 33 кроссовки, представляете, я был даже на *Сортировке* (микро-

район на юго-западе города, известен крупной железнодорожной станцией «Свердловск-Сортировочный» и рынком «Таганский ряд»» (группа «Ек-Playaz»); «На столе продукция *Виншампанкомбината* (в Свердловской области последний алкогольный завод «Екатеринбургский Виншампанкомбинат» сдал свои лицензии [7]), снежок на улочке заменяет вата» (группа «Ек-Playaz»); «Родился в 20-м роддоме 20-ой больницы (отсыл к району Химмаш, тесно связанному с рэп-культурой Екатеринбурга)» (группа «4К»).

В завершающем круге, выходящем за пределы города, элементы расширяют горизонт охвата до границ региона, с одной стороны, объединяясь с периферией как с неотъемлемой частью мегаполиса, а, с другой стороны, отталкивая всех, кто не владеет этими знаниями. Примером служат следующие строки: «Я стартовал к звездам через тернии в провинции *Артема* (Артемовский – город в Свердловской области)» (группа «Восточный округ»); «Но я – Урал, я – *Берёза-сити* (город-спутник Екатеринбурга, известный своими золотыми приисками и камнерезным искусством). И читаю рэп так, как вы хотите » (группа «АК-47»); «Наши *Уральские Гоа* – челябинские озера (общее неформальное название для популярных мест отдыха жителей Свердловской и Челябинской областей, охватывающее множество водоемов, таких как **Тургояк, Увильды**, Еловое и др.)» (группа «4К»); «Набери, проверь, на 902-й мобильный (код 902 в Свердловской области принадлежал первому мобильному оператору в регионе, символ зарождения сотовой связи)» (группа «АК-47»).

Создание таких элементов (замыкание кругов в аспекте понимания) приводит к достижению психолингвистического эффекта, а именно эффекта «семантического поля» – при восприятии слова (или словосочетания) активируются связанные с ним слова и ассоциации, что влияет на понимание и вызывает определенного типа эмоции: я член группы, потому что я понимаю тебя – цель достигнута. Подобное явление, по нашему мнению, сопряжено с «принципом айсберга», широко применяемого в художественной литературе, публицистике, психологии, где есть некая точка входа, раскрывающая скрытый смысл, но особенность в том, что в данном исследовании речь идет не о единичном тексте, а о целой субкультуре локальной репрезентации концепта.

Библиографический список

1. Аскерова Э. М., Дивеева А. А. Ономастическая «карта» русского рэпа // Северо-Западный лингвистический журнал. 2022. – № 1(3). – С. 63–75.
2. Баландина Е. С., Передриенко Т. Ю. Когнитивно-корпусный анализ ономастического концепта Урал // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 2(49). – С. 108–112.
3. Болдырев Н. Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля

ля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. – 2016. – С. 16–25.

4. Грудева Е. В., Дивеева А. А. Лингвистические и экстралингвистические аспекты изучения современных русскоязычных рэп-текстов // Научный диалог. 2021. – № 9. – С. 74–97.
5. Колесников А. А. Лингвистические особенности языка представителей хип-хоп культуры: дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2016. 158 с.
6. Крыжановская В. А., Петрова А. И. Концепт «город» в русских рэп-текстах // Казанская наука. – 2024. – №3. – С. 203–206.
7. ТАСС // Режим доступа: <https://tass.ru/ural-news/2657440> (дата обращения: 28.12.2025).
8. Шмелева Т. В. Рэп-текст как новая реальность русской словесной культуры // Русская речь в современных парадигмах лингвистики: Материалы Международной научной конференции. – 2010. – Т. II. – С. 158–163.

IV. PSYCHOLOGY

СТРАТЕГИИ МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ ПРИ УРГЕНТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

EDN AODVEM

Н. Н. Алигаева

*Кандидат психологических наук,
Московский международный
университет,
г. Москва, Россия*

Summary. Urgent addiction, characterized by a sudden and intense desire to satisfy a need, poses a serious threat to an individual's physical and mental health, as well as their social and professional well-being. This paper analyzes the main types of risks that arise at various stages of the development and progression of urge addiction. It proposes scientifically based approaches to their timely identification, assessment, and preventative management. Particular attention is given to the development of practical recommendations for professionals working with this category of individuals, as well as for the individual themselves, who are seeking to overcome destructive behavior.

Keywords: urgent addiction; risks; risk minimization; prevention; intervention; addictive behavior; coping strategies.

Быстрый темп жизни, стрессовые нагрузки, доступность различных стимуляторов и информационных технологий способствуют формированию аддиктивных паттернов поведения, которые могут проявляться внезапно и иметь разрушительные последствия. Недостаточная разработанность комплексных и системных подходов к минимизации рисков при ургентной зависимости делает данное исследование актуальным и социально значимым. Понимание механизмов формирования рисков и разработка эффективных стратегий их предотвращения и снижения являются ключевыми задачами для сохранения здоровья и благополучия населения.

Основная проблема исследования заключается в отсутствии систематизированных и научно обоснованных стратегий минимизации рисков, специфичных для ургентной зависимости. Существующие подходы к управлению рисками в области аддикций зачастую ориентированы на более хронические формы зависимости и не в полной мере учитывают особенности внезапного и интенсивного характера ургентных проявлений, что приводит к несвоевременности выявления рисков, неэффективности существующих интервенций, многогранности рисков, отсутствию четких алгоритмов действий.

Изучению ургентной зависимости посвящены труды современных исследователей: И. Н. Ефремкина (2023), Р. И. Канунников (2022), И. В. Кольцова (2021), М. В. Маршалова (2024), М. К. Омарова (2025), М. Г. Рябова (2022), Е. И. Сапего (2022), А. В. Сидорова (2023), Е. Ф. Торикова (2021), Е. А. Черенович (2021), Е. Г. Шевырева (2025) и др.

Ургентная зависимость – это не просто плохая организация времени. Это глубокое внутреннее ощущение, что времени всегда недостаточно, что вы постоянно опаздываете, что упускаете что-то важное. Это может проявляться в бесконечном списке дел, в стремлении делать несколько дел одновременно, в невозможности расслабиться и отдохнуть, потому что «еще столько всего нужно успеть» [1]. Постоянное ощущение нехватки времени и спешки может привести к хроническому стрессу и выгоранию, снижению продуктивности, проблемам со здоровьем, социальной изоляции, снижению психологического благополучия [2, 3].

В ходе исследования были выделены следующие стратегии, способствующие минимизации рисков при ургентной зависимости: осознание и принятие проблемы; переосмысление понятия «время» (изменить свое отношение к времени); практические инструменты управления временем (приоритизация задач, планирование с запасом, делегирование, не берите на себя больше, чем можете выполнить); работа с внутренними установками (отказ от перфекционизма, пересмотр ценностей); создание пространства для отдыха и восстановления (планируйте отдых так же, как и работу); поиск поддержки (разговор с близкими, профессиональная помощь).

Для развития данного научного направления можно обозначить следующие перспективы: более глубокое изучение связи ургентной зависимости с другими психологическими состояниями, такими как тревожные расстройства, синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), перфекционизм, страх упустить что-то важное; создание надежных и валидных опросников и шкал для выявления и измерения степени выраженности ургентной зависимости; изучение долгосрочных последствий ургентной зависимости на физическое здоровье и психологическое благополучие

Таким образом, осознание проблемы, изменение отношения к времени, применение практических инструментов управления им, работа с внутренними установками и забота о себе – все это шаги на пути к более спокойной, продуктивной и наполненной жизни. Цель не в том, чтобы «успеть все», а в том, чтобы прожить свою жизнь осмысленно и с удовольствием, находя баланс между делами и моментами настоящего.

Библиографический список

1. Алигаева Н. Н. Современные проблемы образовательного процесса в высшей школе как детерминанты развития трудоголизма и ургентной зависимости / Н. Н. Алигаева // Cifra. Педагогика. – 2023. – № 1 (1).
2. Алигаева Н. Н. Современный взгляд на проблему ургентной аддикции у сотрудников правоохранительных органов / Н. Н. Алигаева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 4 (100). – С. 247–252.
3. Омарова М. К. Влияние самоотношения и личностных характеристик на развитие ургентной зависимости от работы / М. К. Омарова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. – 2025. – Т. 19. – № 3. – С. 120–125.

БЕРЕМЕННОСТЬ И ФАНТАЗИИ О БУДУЩЕМ РЕБЕНКЕ

EDN ILRZKH

Е. С. Мордас

Кандидат психологических наук, доцент,
Московский институт психоанализа,
г. Москва, Россия

Summary. Research object: a woman's experiences during pregnancy in a psychoanalytic approach. Research subject: a woman's fantasies about the child during pregnancy. Theoretical and methodological framework of the study: psychoanalytic ideas of H. Deutsch (psychosexual development and pregnancy), T. Benedek (psychosexual functions of women), G. Bibring (pregnancy as a crisis and "the reality of the newborn"), D. Pines (female identity, mother-daughter relationships), M. Notman and E. Lester (pregnancy, crisis, and object relations), J. Raphael-Leff (intercorporeal connection between mother and fetus), E. Bradley (defense mechanisms and the presence of a third – the father) and T. B. Brazelton and B. G. Kramer (fantasies about the child and imagined interaction and the connection of fantasies during pregnancy and attachment after birth). Research methods: analysis, generalization of psychoanalytic ideas. The history of a woman's development, her emotional experience of relationships with significant Others (mother, father) is embodied in her adult psychosexual life, relationships, experiences, and fantasies about children. Pregnancy is a time of regression and the revival of early conflicts and desires that find their reflection in the fantasies of the woman – mother. Experiences of early infantile relationships with the mother become activated, which is manifested in fantasies about the child, sometimes of rejected parts of oneself (rejection of the child). A woman may feel that her child is invading her or greedily absorbing all the goodness in her body. She may perceive her child as a punitive figure who knows her secret thoughts and disapproves of them, criticizes; as an evil and bad object; threatening her independence, seeking revenge, envious, or pursuing her; may attribute hostile and aggressive attitudes to the fetus. Alternatively, in her fantasies, the child may be an ideal, good, kind, interesting, and desired object. A woman may fantasize about recreating a union with her child, free from need and disappointment; or merging, to which she currently feels attracted. The role of the mother's (and father's) fantasies is significant in how the child is experienced and how the parents relate to it. Fantasies about the child in a woman during pregnancy are a harbinger of future relationships with the infant.

Keywords: pregnancy; motherhood; fantasies; regression; narcissistic desires; ideal motherhood; attachment; ideal child; projections; ambivalence conflict.

Введение

Беременность и рождение ребенка опосредованы социокультурными убеждениями, нерожденный ребенок уже пропитан культурой, включая семейные передачи и подсознательно поглощён социальными ожиданиями и запретами
(Raphael-Leff, 2020)

Между внутриутробной жизнью и самым ранним младенчеством существует гораздо больше преемственности, чем акт рождения, как пола-

гали раньше. Дело в том, что развитие ребенка в утробе заменяется для него психической объектной связью с матерью и отцом после рождения.

Пренатальные представления и фантазии оказывают большое влияние на поведение матери во время беременности и после рождения ребенка. Матери, чьи представления были искаженными (ребенок представлялся как «плохой», преследователь, захватчик и т.п.) во время беременности (=проживание кризисной беременности), имели меньшую вероятность оказывать достаточно хороший уход за своими детьми по сравнению с матерями, чьи представления были «хорошими» ребенку. Взаимоотношения между матерью и плодом во время беременности являются сложной и увлекательной областью изучения и до сих пор недостаточно исследованы.

В современных работах звучат идеи о плацентарной парадигме и межтелесном взаимодействии, специфической привязанности матери во время беременности, определяемой как глубокая эмоциональная связь. В этих отношениях мать стремится «узнать, быть рядом, избегать разлуки или потери, защищать и идентифицировать, а также удовлетворять потребности своего плода». Так, самость ребенка зарождается в отношениях с матерью уже в период беременности; рождение межличностного «Я» происходит до рождения.

Т. Б. Брейзелтон и Б. Г. Крамер фантазии о ребенке связывают с привязанностью между родителями и будущим ребенком. Авторы отмечают, что фантазии служат «предысторией привязанности», которая закладывает основу для последующих отношений после рождения [12].

Беременность: проекции, желания, фантазии о ребенке

Прежде отметим психоаналитиков, кто развивал идеи о психоанализе беременности: Х. Дойч [13], Т. Бенедек [7], Дж. Кестенберг [16], Г. Бибринг [8; 9; 10], Д. Пайнз [4], Э. Лестер и М. Нотман [17], Дж. Рафаэль-Лэфф [18]: от психосексуальности, объектных отношений к плацентарной парадигме и межтелесной связи матери и плода, интерсубъективности, влиянию культуры и социальным ожиданиям.

Важно думать о беременности, родах и раннем материнстве как об части одной и той же фазы развития, которую каждая женщина проходит по-своему и в своем собственном темпе [6]. Переживания, связанные с зачатием, беременностью и рождением ребенка, зависят от бессознательного внутреннего мира матери. Этот психический внутренний мир строится в младенчестве и детстве посредством взаимодействия желаний, влечений и фантазий и посредством субъективного переживания опыта с ранними значимыми фигурами. Созданный внутренний мир становится ментальной установкой, которая проносится через всю жизнь. Этот мир населен внутренними фигурами (объектами или интроектами), которые отражают ранние, важные отношения.

Еще ранние аналитики отмечали, что период беременности – кризисный период в жизни женщины, ее семьи, время регресса и актуализации

доэдипальных и эдипальных конфликтов, конфликтов амбивалентности. Беременность связывается с желаниями и фантазиями о пенисе, телесной полноценностью, нарциссической завершенностью (мать будет видеть желаемого ребенка прежде всего как **продолжение собственного «Я»**; ребенок укрепляет ее образ тела, которое можно с гордостью демонстрировать). О слиянии с матерью и с удовлетворением симбиотического желания с появлением ребенка. Будущий ребёнок обещает близкие отношения, исполнение детских фантазий.

Желание женщины ребенка неизбежно включает надежду, что она сможет повторить себя. Эта надежда поддерживает ощущение бессмертия: ребенок станет живым свидетельством ее дальнейшего существования. Это желание иметь зеркальное отражение распространяется на идеалы и семейные традиции: ребенок представляет обещание продолжения, воплощение этих ценностей. Ребенок рассматривается как следующее звено в длинной цепочке, которая соединяет каждого родителя с его собственными родителями и предками. Сила такого родственного отношения создает бесконечные ожидания: ребенок будет носить семейные черты, фамилию. Он или она может выбрать профессию, характерную для семьи, или имя известного предка. Многочисленные ритуалы, связанные с рождением, такие как крещение и другие традиции, укрепляют это сильное и необходимое чувство идентичности между детьми и их семьями.

Желание ребенка отцом связывается с нарциссическими желаниями. Для отцов сыновья с большей вероятностью становятся носителями неисполненных амбиций отца, усиливают чувство мужественности и разрешают Эдипальные переживания. Наличие ребенка не только дает возможность равняться отцу, но и воспитание дает возможность стать лучше, чем отец. Каждый новый отец решает стать лучшим отцом. Более того, беременность жены – важное время для укрепления мужской идентичности. Вместе с этим возникает тревога, которую переживают и матери. Каждый этап беременности – это новый вызов как для мужчины, так и для женщины.

Джеймс Херцог описывал будущих отцов как делящих на две группы [15]. Одна группа признала свои чувства по поводу рождения первого ребёнка, проявив эмпатию и инвестируя либидо в своих жен. Другая группа состояла из отцов, которые мало осознавали свои чувства. «Настроенные» мужчины почувствовали необходимость к концу первого триместра подпитывать фантазии матери и плода. Занятия любовью представлялись как форма питания для беременных жен и как некая забота о растущем плоде. Менее настроенные мужчины жаловались, что их сексуальные потребности не удовлетворяются.

Отмечается, что участие отцов в беременности и родах укрепляет их собственную идентичность как активных участников, снижая вероятность их исключения [5]. Они готовятся к более прямой роли после рождения ребёнка. Их постоянное присутствие приносит удовлетворение в двух ас-

пектах: сохраняется их собственная связь с женами, и они начинают ощущать радость отцовства.

Так, в рождении ребенка имеет значение желания, проекции и фантазии как матери, так и отца.

Беременность является наиболее радикальным сосуществованием себя и другого – опыт двух человек в одном теле. То, как женщина переживает этот опыт связано с ее бессознательным. Беременность возрождает ранние конфликты и опыт, переживания амбивалентности и инаковости. Это сложный эмоционально интенсивный процесс, совершенно не похожий ни на какой другой, поскольку он основан на невыполнимом этическом требовании – предложить безусловное гостеприимство в удовлетворении потребностей невербального Другого, дополнительно с актуализирующимися переживаниями прошлого опыта.

Джоан Рафаэль-Лефф выделяет феномены современного мира – **идеальное материнство и идеальный ребенок**. В культуре, где идеализируется материнство нет возможности прожить здоровую амбивалентность женщине (матери) в отношении своего ребенка (у отца же такая возможность есть, как отмечает Джоан Рафаэль-Лефф) [19].

Мать может чувствовать к ребенку (плоду) не только любовь, но и ненависть, переживая сильный конфликт амбивалентности. Действуют различные механизмы преодоления, чтобы справиться с «запретными» чувствами (гнев, агрессия, ненависть), женщины отрицают, расщепляют, проецируют свои негативные переживания во вне, для того, чтобы сохранить похвальное ощущение себя или ребенка [19]. Когда защиты не срабатывают, возникает депрессия (самообвинение) или обвинение других. Чувство вины, разочарование или обида дестабилизируют собственное представление о родительстве.

Эмоциональное расстройство также может указывать на разочарование из-за того, что реальность иная. Если идеальный образ ребенка сохраняется в сознании родителя, то новорожденный неизбежно обременен давлением, заставляющим его жить в соответствии с бессознательным, но непостижимым (загадочным) двойником.

Идеальный ребенок порою дублирует идеальную сущность матери и дает ей понять, насколько она успешна как мать. Любой страх перед несовершенным ребенком угрожает образу себя и должен быть отвергнут. Желание ребенка включает желание увидеть в ребенке признаки своих творческих способностей и способности к воспитанию.

Будущий ребенок представляет собой шанс обратить вспять цепочку компромиссов и ограничений, пережитых родителями. Воображаемый ребенок воплощает идеал Эго. Он символ совершенства и всемогущества. Будущий ребёнок – это не просто продолжение материнского тела, он или она является продолжением того, что Х. Кохут назвал своим грандиозным образом себя.

Противоположность такой грандиозности – неизбежный страх, что ребёнок окажется неудачником. Этот страх нужно подавить, ведь он угрожает вновь подтвердить ошибки родителей. Итак, природа дала матерям девять месяцев, чтобы разобраться в сомнениях, страхах и амбивалентных переживаниях по поводу ребёнка [12].

Беременности дает женщине возможность воплотить свои фантазии в жизнь. С. Лебовиси [2] – французский психиатр и психоаналитик ввел важное различие между фантазийным ребёнком и воображаемым ребёнком. В то время как фантазийный ребёнок появляется в сновидениях матери как выражение бессознательного материнского мира, воображаемый ребёнок представляет собой сознательную и часто общую конструкцию, которую родители создают для себя, основываясь на своих восприятиях ребёнка и желании к нему. После рождения эти образы ребенка, присутствующие во время беременности, влияют на реального ребенка [21].

В свою очередь Джоан Рафаэль-Лефф отмечает, что воображаемый младенец – младенец желания беременности, сосуществования зародыша и матери. Этот младенец является носителем воображаемой жизни матери, ее мечтаний, он наделен полом. Мать видит его и представляет его себе. Она планирует его будущее. Ему выбирают имя. Он становится носителем ценностей, передаваемых из поколения в поколение. Воображаемый ребенок развивается на основе латентных мыслей матери.

Проецируя на неизвестного Другого в своей утробе свои желания и надежды, женщина пытается справиться со своим тревогами, чтобы быть хорошей матерью и быть гостеприимной неизвестному существу внутри нее [19].

Развитие предполагает отказ от воображаемого ребенка, открытие и встречу с реальным ребенком после его рождения; матери необходимо адаптироваться к ребенку как к реальной личности, а не как к объекту своих проекций. Так, когда мы переходим на стадию родительства мы наделяем ребенка разными чертами и качествами. По мере того, как знакомство с ребенком становится все более привычным, инаковость становится более терпимой для родителей (= ребенок иной, не есть мать или отец), а любопытство к реальному ребенку позволяет воображаемому исчезнуть.

Т. Б. Брейзелтон и Б. Г. Крамер отмечают **конфликт между фантазиями и реальностью**. Новорожденный после рождения часто бросает вызов родительским фантазиям, желаниям, ожиданиям. Это создает почву для начала привязанности, так как родители сталкиваются с необходимостью адаптироваться к реальному ребёнку, а не к своему воображаемому образу.

Даниэль Штерн пишет, что фантазии о ребенке, которые, как правило, усиливаются примерно на четвертом месяце и продолжают развиваться до седьмого месяца, затем ослабевают в последние месяцы беременности в подготовке к появлению реального ребенка [20].

Первые месяцы наполнены сомнениями, растерянностью, сожалениями, тревогами. Важно то, как женщина в целом справляется с амбивалентными чувствами. Порою женщина боится признаться, даже самой себе, в негативных мыслях о ребенке (это может быть гнев, агрессия). Боится, что эти чувства могут навредить ребенку. Если женщина переживает, что ее негативные мысли в отношении ребенка могут быть опасны для ребенка, то они [негативные мысли] вытесняются и воспринимаются как исходящие «извне». Например, проецирует свою враждебность на другого извне и полагает, что он может причинить ей вред. Либо проецирует свою враждебность на ребенка в утробе и тогда ребенок становится опасным.

Фантазирует, что младенец внутри способен читать ее мысли. Важно, думает ли женщина о себе и о ребенке как о чем-то хорошем или напротив, ребенок – незванный гость и захватчик, проникший в нее как опасный представитель внешнего мира (= параноидные переживания).

Середина беременности. После «шевеления», реальность ребенка возрастает, у женщины возникают различные фантазии о нем, иногда отвергнутых частей себя. Например, женщина может чувствовать, например, что ее ребенок вторгается в нее, как раковая опухоль, или жадно поглощает все доброе в ее теле, как паразит. Она может воспринимать своего ребенка как карательную фигуру, которая знает ее тайные мысли и не одобряет их. Она может чувствовать, что ее ребенок наблюдает за половым актом [6].

В последние месяцы беременности чувство неизбежности переживается особенно остро. Конфликт между удержанием и исторжением находится на первом плане. Женщина может хотеть сохранить своего ребенка навсегда, или она может хотеть иметь возможность заботиться о своем ребенке вовне. Рождение ребенка означает, что то, что было «внутри», станет «внешней стороной» для всеобщего обозрения. Страх перед рождением «чудовища» выражает страх перед тем, что все ее плохое теперь будет раскрыто, что то, что находится внутри ее тела, включая ее чувства, чудовищно.

Работа беременности предполагает этапы: переживание слияния, дифференциации и отделение матери от ребенка (=роды) [12]. Чем больше мать видит своего будущего ребенка как отдельного человека, тем больше она чувствует себя защищенной от собственной воображаемой неполноценности и некомпетентности. Матери, которые видят своего будущего ребёнка сильным и стойким, могут даже воспринимать ребёнка как союзника в сложной задаче родов [12].

Джоан Рафаэль-Лефф представляет идеи о межтелесной связи матери и ребенка в период беременности. И влияния матери и плода друг на друга. Эта связь связана о **представлениях матери о самой себе и воображаемом ребенке, растущем внутри нее как доброе существо или злобный хищник.**

Межтелесная связь матери и плода сопровождается переживаниями **удовольствия и/или неудовольствия**, подпитывается положительными и

отрицательными инфантильными чувствами и опытом матери. Либидинозные инвестиции в период беременности в воображаемого ребенка сотканы из материала грез и мечтаний женщины, ее чувств и истории жизни, истории отношений со значимыми другими. Относится ли **она к себе как к потенциально созидательной или разрушительной**, зависит от ее собственного чувства интегрированности и самоуважения (или здорового/патологического нарциссизма), а также от ее ментальной способности к восстановлению своих внутренних ресурсов (способность к репарации); ментальным представлением о способности к рождению ребенка (ранний опыт отношений с матерью, интроецированный образ матери или архаичный материнский объект – который позволяет или не разрешает родить ребенка).

Одна беременная женщина может представлять себя поставщиком полезных ресурсов, а другая - дефицитной и/или опасной для своего плода. Кто-то может чувствовать себя счастливой будучи беременной или напротив, несчастной: переживать угрозу, находясь в постоянном общении с жестоким или конкурентом-хищником будучи подвергнутой его вторжению - [так воспринимается ребенок] [18].

Женщина, которая чувствует **угрозу со стороны воображаемого ребенка**, может прибегнуть к алкоголю, курению или наркотикам, чтобы **успокоить свою тревогу пустоты или проверить способность воображаемого плода сопротивляться своей «плохости»** [19].

Ребенок может переживаться **сильным, милым или уродливым, очаровательным или отталкивающим, знакомым или чуждым** матери. Беременная женщина также разыгрывает воображаемые версии себя как матери.

Женщина, переживающая вину, цепляется за «еду за двоих», чтобы максимизировать дефицит провизии для своего **«нуждающегося» жильца**. И наоборот, чувствуя себя жертвой, другая женщина может иметь дело с **«паразитом»**, питающимся ее внутренними ресурсами. Если ребенок переживается как «паразит», то женщина может его отвергать, вплоть до физического аборта **«захватчика»**. Тревожная женщина может испытывать панические атаки, возбуждение, фантазируя, что плод **причинит вред или узнает ее изнутри**.

Женщина в обсессивно-компульсивном состоянии, усиленно пытается разделить свои плохие и хорошие чувства, защищается от любых мыслей о причинении вреда ребенку сейчас или в будущем. Избегающая женщина может защититься, отстранившись от себя; продолжая жить обычной жизнью, отстраняясь от другой жизни (жизнь плода) вплоть до отрицания того, что она беременна. Если женщина переживает беременность как насилие, то может воспринимать ребенка **как отвратительного** [18].

Пример **фантазии об умерщвляющем плоде** - «Ужас. Это что-то в животе, потом этот живот растет. Потом я не смогу сделать аборт, обратного пути нет. Иду в этот ужас, ад, где нет обратного пути. Я не сплю, а слушаю – умер он или нет. Он умирает – я умираю» (пример жен-

щины с нарциссическим расстройством личности). Это случай психогенного бесплодия. Негативный архаичный материнский объект и отсутствующий отец отразились на репродуктивной способности женщины (невозможность сепарации и идентификации с плодородной матерью, актуализации параноидных переживаний) позволили предположить гипотезу о связи фантазий о ребенке и расстройствах личности (патологический нарциссизм и деструкция, параноидальные тревоги).

Собственная **внутренняя мать** будущей матери имеет тенденцию вырисовываться в полной мере – начиная от **поддерживающей фигуры**, поощряющей переход ее дочери к материнству, и заканчивая представлениями о **ведьме**, извергающей мстительный гнев по поводу ее плодovitости или запрещающей ей свободу воли и/или владение телом. В последнем случае она может бояться расслабиться, пронизанная обреченными тревогами, которые она испытывает (ей никогда не разрешат родить или оставить у себя «украденного» ребенка, которого она носит) [18].

Интроецированная мать может переживаться как преследующий объект. Преследующий объект – это материнский плохой интроект, который в ситуации регресса актуализируется и влияет на проживание беременности женщиной и выстраивания определённых коммуникаций с ребенком исходя из зачастую собственного раннего бессознательного опыта взаимодействия со своей матерью.

Так, восприятие реального внешнего мира находится под влиянием, а иногда и полностью подчиненным внутреннему миру. Реальные люди отождествляются с фигурами во внутреннем мире, а затем переживаются такими же, как и первичный объект. Пример, младенец в утробе матери может быть воспринят как часть угрожающего и опасного внутреннего мира матери [11].

Элизабет Брэдли отмечает, как женщины используют различные защиты в период беременности для разрешения внутренних конфликтов. Защитные механизмы существуют в континууме от **невротического до психотического** (зависят от степени регресса и психопатологии женщины) и влияют на то, как воспринимается ребенок в утробе матери [11].

Одна из ее идей заключается в том, что мать проецирует свои негативные части на ребенка и это проявляется в фантазиях матери о ребенке в период беременности. Например, мать может приписывать враждебное агрессивное отношение плода к ней, в действительности она сама агрессивно и враждебно относится к ребенку в утробе. В связи с чем женщина-мать реагирует определенными защитами в период беременности. Более того, эта история имеет продолжение – сначала мать проецирует свои чувства на ребенка в утробе, а затем и на младенца.

Присутствие третьего, например, отца ребенка, может изменить подобную коммуникацию матери-плода и ребенка. Достаточно хорошие отношения, которые создаются в течение жизни позволяют справиться с внутренним плохим, преследующим объектом. Вмешательство отца на по-

зитивной эдиповой стадии важно для того, чтобы разорвать порочный круг и позволить произойти сепарации и развитию. У женщин, имеющих трудности в переживании беременности – отцы отсутствующие. Отец необходим, чтобы избавиться от этого пугающего слияния с матерью.

Итак, беременность связана с сепарацией от матери (это возможно, если есть отец) и идентификацией с «хорошей» матерью. Ключевыми фигурами для благополучного проживания опыта беременности являются внутренние образы матери и отца. При тяжелом (конфликтном) проживании беременности женщины порой вынуждены бороться с внутренней всепоглощающей матерью. «Борьба» разворачивается в переживаниях, поведении женщины. Это может быть атака направлена против ребенка, а иногда ребенок воспринимался как атакующий и разрушающий. Женщине в такой ситуации трудно отличить фантазии от реальности. Эта спутанность сознания описывается как пограничное состояние и может прогрессировать до психотического заболевания.

Фантазии о ребенке и воображаемое взаимодействие

Т. Б. Брейзелтон и Б. Г. Крамер [12] представляют материал относительно фантазии о ребенке – это ментальные представления, мечты, желания и нарциссические устремления родителей, которые развиваются в процессе беременности. Они включают образы будущего ребенка, ожидания относительно его внешности, характера, роли в жизни родителей и семьи. Эти фантазии часто связаны с бессознательными процессами, проекциями прошлых опытов родителей и их внутренними конфликтами.

Фантазии начинают формироваться ещё до зачатия (здесь можно вспомнить Д. Винникотта и его идеи о зарождении личности - личность зарождается с замысла [1]), а во время беременности они эволюционируют в более сложные эмоциональные и когнитивные структуры и имеют свое воплощение после родов в отношениях с младенцем.

В аналитической ситуации авторы называли будущего ребенка объектом переноса, то есть бессознательные чувства и отношения родителей будут перенесены на ребёнка. Сам процесс переноса оказывает исцеляющий эффект, именно потому, что возрождает старые, утраченные связи. В этом смысле авторы описывают **ребенка как целителя**: он или она обещает восстановить дремлющие отношения, которые раньше приносили удовлетворение.

Фантазии не являются статичными – они эволюционируют в течение беременности под влиянием реальных сигналов от плода (шевеления, результаты УЗИ и т. д.). По мере развития беременности родители постепенно корректируют свои представления, что способствует дифференциации образа ребёнка как отдельного существа. Эти фантазии играют важную роль в подготовке к родительству и формированию привязанности.

Как во время беременности, так и после родов мы можем обнаружить фантазии и приписывания родителями ребенку нечто. Матери не реа-

гируют на объективный аспект поведения ребенка, а скорее на смысл, который они видят в нем. Этот смысл исходит из их личного понимания мира, того, что хорошо, а что плохо. Здесь действует субъективный мир матери, основанный на её собственной прошлой истории, зонах конфликтов, ценностях и так далее. Своего рода это субъективные интерпретации матерью проявления ребенка. Воображаемые взаимодействия могут проявляться в разных формах.

Приписывание и придача смысла можно обозначить терминами проекция или проективная идентификация. Когда проекции огромны, игнорируя конкретную индивидуальность другого, искажение реальности мешает отношениям. Это особенно верно, когда проецируются враждебные и агрессивные аспекты личности.

Проекция формирует отношения: ребёнок наделяется теми качествами, которые родители ценят больше всего, и он получает награду и любовь за любое поведение, подтверждающее этот положительный образ.

В патологических проекциях, напротив, родители наделяют ребенка чертами, полностью противоречащими его природе: ребёнок воспринимается как обладающий четко определёнными намерениями или обладающим взрослыми чертами, или даже наделённым сверхъестественными силами. Сила и характер проекций родителей определяют, насколько родители способны распознавать индивидуальность ребёнка, независимо от того, берет ли это под контроль их бессознательное, превращая младенца в роль героя или злодея. Эти характеристики проекций часто проявляются в описании родителями «проблем» ребенка, которые связаны с их собственным прошлым. Из их собственной истории возникают скрытые сценарии, в которых они разыгрывают воображаемое взаимодействие со своим младенцем. Так «симптомы» у ребёнка могут выражать бессознательные конфликты родителя. Развитие детей определяется фантазиями родителей и воображаемыми взаимодействиями.

Пол, внешность и пр. формируют фантазии, которые развивают у родителей о ребенке. Младенцы запечатлевают в восприятии родителей индивидуальный отпечаток своих основных черт. Одновременно родители формируют поведение младенца с помощью подкреплений и запретов, опосредованных их фантазиями, ожиданиями и внутренними конфликтами.

Авторы описали некоторые распространенные фантазии и сценарии родителей: 1. Ребенок в виде призрака, символизирующего важного человека из прошлого родителя; 2. Отношения воссоздают прошлые формы отношений; 3. Ребенок представляет собой часть собственного бессознательного родителя [12]. Эти фантазии универсальны и выстраиваются на основе прежних отношений и привязанностях.

Ребенок как призрак. Сельма Фрайберг отметила наличие «призраков в детской». Она называла их «гостями из незабытого прошлого родителей, незваных гостей на крещении» [14]. Как добрая фея или угрожающая ведьма из сказок, эти призраки могут накладывать на ребенка благоприят-

ные или зловещие заклинания. Обычно ребёнок настолько сильно заявляет о любви родителя к своему уникальному «Я», что призраки исчезают на задний план детской. Но иногда призраки устраиваются рядом с ребенком, привлекая внимание родителей. В таких ситуациях родители взаимодействуют с призраком, который находится между ними и ребёнком.

Такой навязчивый призрак создает серьезный источник несоответствия между родителем и младенцем. Родители не могут реагировать на сигналы младенца, потому что заняты общением с призраком. Этот призрак может занимать все пространство, не оставляя родителям возможности увидеть ребёнка, или мешать определённым вопросам: питанию, сну, дисциплине. Таким образом, вторжение призрака выявляет соответствующую уязвимость в прошлом родителя. Проблемы ребенка затем с большой точностью указывают на конфликты, которые родитель должен решать.

Ребенок как реинкарнация. В одних культурах для родителей нормально наделять своих детей чертами умерших родственников. Это позволяет сохранять привязанность, сохранять семейные традиции и поддерживать родственность. В других культурах ребенок может восприниматься как более буквальная реинкарнация предков. Ребенок воспринимается как возвращение – или реинкарнация предка, и его или ее поведение интерпретируется как передача посланий от умершего. Эта связь младенца с предками наделяет ребенка силой. Воспринимаемый как умный и могущественный, ребенок становится источником защиты для семьи, что укрепляет их привязанность. Но сам ребенок может быть опасным, его считают носителем злых намерений.

Ребенок – это не только символическое напоминание о прошлых привязанностях, но он может заменить умершего (замещающий ребенок). Это особенно актуально, когда происходит совпадение между смертью и рождением. Ребенок, рожденный, когда родители переживают потерю, может быть использован для отрицания смерти и отсрочки боли от скорби.

Страх смерти младенца. Практически все чрезмерно опекающее поведение родителей связано с глубинными, хотя часто сознательными страхами, что младенцу угрожает неминуемое уничтожение. Многие случаи перекормления связаны со страхом голода. Многие проблемы со сном связаны с активным нарушением сна младенца, вызванным необходимостью родителей проверить, жив ли ребёнок.

Существует множество факторов, определяющих этот страх смерти. Очевидный пример – так называемая ситуация «замены ребёнка», когда ребёнок рождается вскоре после смерти старшего брата или сестры. Страх смерти имеет очевидную причину. Другая, более сложная причина – это опыт родителя ребенка как реинкарнации того, кого одновременно любили и ненавидели.

Ребенок как родитель. Ребенок как родитель описывается семейными терапевтами как процесс, в ходе которого дети используются как замена собственных родителей. Таким образом, они запрограммированы оказывать

поддержку, руководство, удовольствие или критику, как это делали родители. Такой разворот можно наблюдать во многих разных ситуациях. Самый распространенный случай – это случаи, когда родители чувствуют себя оставленными своими собственными родителями. Им трудно что-то дать своему младенцу, и вместо этого они ожидают от него удовлетворения.

Когда родители требуют, чтобы младенцы вели себя по-взрослому, их инфантильным потребностям таким образом отказано. Например, родитель может требовать, чтобы маленький ребенок проявлял привязанность. Родитель затем «обвиняет» младенца в непривязанности, отсутствии удовлетворения и эгоизме, что приводит к постоянному чувству разочарования у обоих.

Ребенок как судья. Когда мать или отец воспринимают младенца не только как родителя, но и как осуждающего родителя, возникает особенно болезненный опыт переживаний. Поведение несчастного младенца, чьи потребности не удовлетворяются, затем воспринимается как признак критики или отторжения. Критическое и осуждающее отношение – лишь одно из воображаемых намерений, которые можно проецировать на ребёнка.

Ребенок как брат или сестра. Определенные чувства, которые характеризовали прежние отношения, чаще всего ревность, теперь переживаются снова и снова. В таких случаях родитель бессознательно испытывает обиду, ревность, испытываемую при рождении ненавистного соперника.

Это может проявиться особенно ярко, когда мать через сына вновь переживает свою ревность к младшему брату (особенно если эти родители явно предпочитали мальчика девочке, что до сих пор очень частое явление!). Эта сильная ревность может проявляться по-разному. Ребёнка можно воспринимать как тирана, который правит рабыней-матерью.

Воспоминание прошлого через его противоположность. Родители часто пытаются установить с ребенком полную противоположность отношениям со своими родителями. Это часто случается, например, когда родители считали своих родителей чрезмерно строгими. В отношениях со своим ребенком они не хотят навязывать какие-либо ограничения. Каждое его желание удовлетворяется. Такие родители хотят дать младенцу постоянное удовлетворение, избегая чувства разочарования. Тогда ребенок начинает ожидать мгновенного удовлетворения и может стать настолько требовательным, что его воспринимают как тирана. Когда родители полностью подавлены этим беспощадным существом, они обращаются за помощью. Они не осознают, что воссоздали прошлые отношения. Только теперь ребёнок управляет родителем.

Создание идеальных отношений. Существует множество других способов повторить старые способы отношений. Одна из распространённых тем – желание исцелить болезненное детство, подарив младенцу то, что считается идеальным опытом. Некоторые родители пытаются создать с ребенком «идеальные» отношения, такие о каких они мечтали сами. В этих случаях то, что родители стремятся воспроизвести, – это не реальный опыт

прошлого, а воображаемая, идеальная версия того, каким должно было быть их прошлое. Возможность исправить прошлое разочарование и беспомощность, создав идиллические новые отношения, – одна из самых сильных мотивации к рождению ребенка.

Ребенок как часть родителя. Ребенок-злодей. Ребёнка могут воспринимать как **злодея или монстра**, когда родители проецируют «плохие» части себя или когда у ребёнка проявляется заметный дефект. Эти две ситуации тесно переплетены. Большая часть динамики проекции основана на реакции родителей на то, что они видят в ребёнке как воплощение их внутренних склонностей. Ребёнок, в свою очередь, может развить черты, которые подтверждают прогнозы родителей. Специфическое поведение ребёнка может изначально запускать эти проекции. Пассивного младенца можно назвать ленивым или чрезмерно зависимым, если родители сами не терпят этих черт. Ребенок, который ест с большим удовольствием, может быть назван ненасытным или жадным, если родитель стыдится своих «оральных» желаний. Когда отдельные аспекты поведения ребенка, похоже, соответствуют аналогичной тенденции, которую родители сами презирают, может восторжествовать порочный круг осуждения и само сбывающегося пророчества.

С каждым новорожденным всегда есть риск разочарования. Ни один младенец не сравнится с фантазиями, которые родители питают о своем будущем ребенке. Таким образом, вполне нормальные черты у ребенка тоже могут вызвать разочарование.

Множество типов поведения, которые родители – исходя из собственных бессознательных страхов и желаний – проецируют на своих младенцев. Страх разлуки – частый пример. Мать будет жаловаться на очень прилипчивое, зависимое поведение своего младенца, хотя на самом деле именно она боится разлуки.

Разочаровывающий младенец. Порою процесс идеализации ребёнка рушится. Это ситуации, когда ребёнок – далеко не поддерживающий самооценку родителей – становится источником разочарования. Одной из главных психологических изменений после рождения является необходимость для родителей примириться с настоящим ребёнком и оплакивать идеального, воображаемого. Все родители переживают более или менее сильное разочарование в отношении своего ребёнка; это нормальная часть процесса воспитания.

Недостаток ребенка бессознательно воспринимается как раскрывающий скрытые недостатки самих родителей. Реакция разочарования и горя особенно выражена, если у ребёнка есть видимый дефект, особенно поражающий лицо (например, расщелина губы), или заболевание, поражающее центральную нервную систему или глаза. Ребенок - зеркало для родителей.

Заключение

Так, заключаем, во время беременности в состоянии регресса мы обнаружим переживания женщины себя и близких для нее людей и ребенка в утробе (фантазии). Или репрезентации себя и ребенка. Переживания во время беременности отражаются в сновидениях и фантазиях и в частности фантазиях о ребенке. Возможны различные **варианты репрезентаций, в зависимости от психического состояния женщины.**

Материнские позитивные или негативные образы Другого внутри нее становятся основой постнатального ощущения бытия ребенка [18]. Могут быть основания для беспокойства, когда воображаемый плод и ожидания родителей имеют жестко «фиксированный» характер. Если фантазии и эмоциональная психическая реальность будущих родителей кристаллизуется преимущественно вокруг одного аффективного переживания или ментальной схемы во время беременности – будь то идеализированная, преследующая, депрессивная, тревожная, навязчивая или отстраненная – это плохое предзнаменование для будущих отношений с младенцем [3].

Фантазии во время беременности матери и отца служат «предысторией привязанности», которая закладывает основу для последующих отношений после рождения.

Библиографический список

1. Винникотт Д. Маленькие дети и их матери. Москва: «Независимая фирма «Класс», 1998. 76 с.
2. Лебовиси С. Фантазийное взаимодействие и трансгенерационная передача. / Уроки французского психоанализа. М.: Когито-центр, 2007. 560 с. С. 241–242.
3. Мордас Е. С. Психоанализ беременности. Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера», 2025. 328 с.
4. Пайнз Д. Бессознательное использование своего тела женщиной (психоаналитический подход). СПб: совместное издание Восточно-Европейского института психоанализа и Б.С.К., 1997. 193 с.
5. Barnard K. E. Reported in Pedersen F. A. Father influences viewed in a family context. In M. E. Lamb (ed.), The Role of the Father in Child Development, 2nd edition. New York: John Wiley, 1982.
6. Birksted-Breen, D. The experience of having a baby: a developmental view // Free Associations. 1986. Vol. 4. P. 22–35.
7. Benedek T. Psychosexual Function in Women. The Roland Press Company, New York 1952. 453 pp.
8. Bibring G. et al. A Study of the Psychological Processes in Pregnancy and of the Earliest Mother-Child Relationship–I. Some Propositions and Comments // The Psychoanalytic Study of the Child. 1961. Vol. 16. P. 9–24.
9. Bibring G. et al. A Study of the Psychological Processes of the earliest mother-child relationship–II. Methodological Considerations. // The Psychoanalytic Study of the Child. 1961. Vol. 16. P. 25–72.
10. Bibring G. Some Considerations of the Psychological Processes in Pregnancy // The Psychoanalytic Study of the Child. 1959. Vol. 14. P. 113–121.

11. Bradley E. Pregnancy and the internal world / Spilt milk' perinatal loss & breakdown. Edited by Joan Raphael-Leff. Institute of Psycho-Analysis. London. 2000. P. 28–38.
12. Brazelton Berry T. and Cramer Bertrand G. The Earliest Relationship: Parents, Infants, and the Drama of Early Attachment. Addison-Wesley, 1990. 252 p.
13. Deutsch H. The Psychology of Women in Relation to the Functions of Reproduction. // Int. J. Psycho-Anal. 1925. Vol. 6. P. 405–418.
14. Fraiberg S., Adelson E., Shapiro V. Ghosts in the Nursery: A Psychoanalytic Approach to the Problems of Impaired Infant-Mother Relationships // Journal of the American Academy of Child Psychiatry. 1975. Vol.14, № 3, P. 387–421.
15. Herzog J. M. Patterns of expectant fatherhood: a study of the fathers of a group of premature infants / Father and Child: Developmental and clinical perspectives (редакторы: S. Cath, A. Gurwitt, J. M. Ross). Boston. Little, Brown, 1982. С. 301–314.
16. Kestenberg J. Regression and reintegration in pregnancy // J. Amer. Psychoanal. Assn. 1976. Vol. 24. P. 213–250.
17. Lester E. and Notman M. Pregnancy, Developmental Crisis and Object Relations: Psychoanalytic Considerations. // Int. J. Psycho-Anal. 1986. Vol. 67. P. 357–365.
18. Raphael-Leff J. «Two-in-One-Body»: Unconscious Representations and Ethical Dimensions of Inter-Corporeality in Childbearing / Phenomenology of Pregnancy. SÖDERTÖRN PHILOSOPHICAL STUDIES, 2016. P. 157–197.
19. Raphael-Leff, J. Absolute Hospitality and the Imagined Baby // The Psychoanalytic Study of the Child, 2020. Vol. 73:1. P. 230–239.
20. Stern D.N. The Motherhood Constellation. New York: Basic Books, 1995.
21. Vittorio G. From Prenatal Relations to the Constituting of the Self: A Neurobehavioural Perspective on Primary Narcissism // Int. J. Psychoanal. 2025. Vol. (106)(5). P. 978–997.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ДИСРЕГУЛЯЦИЯ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ПОГРАНИЧНОМ РАССТРОЙСТВЕ ЛИЧНОСТИ

EDN MWCAUF

Э. А. Трегубова
У. В. Кобызева

*Студентка,
научный руководитель, ассистент,
Уфимский университет науки
и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан,
Россия*

Summary. This article analyzes the pathogenetic relationship between deficits in emotional regulation and destructive patterns of interpersonal relationships in individuals with borderline personality disorder. The mechanisms of affective lability and the role of cognitive distortions in maladaptive behavior are examined.

Keywords: borderline personality disorder; emotional dysregulation; cognitive distortions; splitting; fear of abandonment; disorganized attachment; interpersonal relationships; dialectical behavior therapy.

Пограничное расстройство личности (ПРЛ) – расстройство личности, при котором человек испытывает трудности с управлением эмоциями и построением межличностных отношений, что приводит к аутоагрессивно-

му поведению. Лицам с ПРЛ характерны импульсивность, высокая тревожность, десоциализация, эмоциональная нестабильность, проблемы с самоидентификацией и низкий самоконтроль. Данные особенности, а также когнитивные искажения и механизмы защиты пограничных субъектов значительно затрудняют построение доверительных и здоровых отношений, в особенности романтических. Актуальность статьи обусловлена высокой распространенностью пограничного расстройства личности (примерно 1–3 % населения) [4], разрушением межличностных отношений и проблемами с коррекцией дестабилизации взаимодействия в социуме.

Эмоциональная дисрегуляция обусловлена нейробиологическими особенностями и инвалидирующей средой, являющаяся основным внешним фактором патогенеза при пограничном расстройстве личности. Исследования подтверждают дефицит нисходящего контроля со стороны префронтальной коры и сопутствующее усиление активности миндалины, ответственной за интенсивность эмоциональных реакций [5]. Систематический анализ нейровизуализационных данных подтверждает наличие морфологических изменений в структуре миндалевидного тела и островка у пограничных субъектов. Помимо этого, зафиксировано ослабление функционального взаимодействия между амигдалой и фронтальными отделами коры, что указывает на дефицит коркового контроля над эмоциональными центрами [6]. Это обуславливает доминирование импульсных реакций над когнитивным контролем.

Когнитивная сфера пограничных субъектов представляет собой нарушения в восприятии и обработке информации и расстройство высших психических функций, связанные с аффективной нестабильностью и выраженной реактивностью настроения, которые детерминируют механизм расщепления, дихотомическое мышление и катастрофизацию.

Понятие «расщепление» как ключевой механизм пограничного расстройства личности ввел американский психоаналитик Отто Кернберг [4]. Данный механизм характеризуется неспособностью интегрировать положительные и отрицательные аспекты одного объекта (например, партнера или родительской фигуры), поэтому они воспринимаются как исключительно хорошие или исключительно плохие, что ведет к дихотомическому восприятию мира. Искаженные психические процессы приводят к сложностям с рациональной обработкой информации, объективному оцениванию ситуации и намерениях других людей, где нейтральный жест интерпретируется как угроза, что и становится причиной импульсивности и эмоциональной дисрегуляции, а в последующем ведет к разрыву социальных отношений. Непредсказуемые реакции и агрессивное поведение, которое может быть выражено вербально, вызывает у окружающих тревогу и желание дистанцироваться.

В динамической системе психической организации пограничного расстройства личности присутствует панический страх одиночества и проблемы с самоидентификацией. Нарушение стабильного образа «Я» при по-

границном расстройстве личности проявляется в отсутствии внутреннего стержня. Пациенты часто не имеют четкого понимания того, кто они на самом деле. Это отражается в неопределенности жизненной цели, взглядов, установок и в целом в отсутствии базовых аспектов самоидентификации. Отсутствие аутентичного «Я» компенсируется через заимствование манер, интересов и поведенческих паттернов у значимого окружения, чаще всего у романтического партнера. Часто пациенты затрудняются ответить на вопросы об их личности, поэтому они опираются на оценки и суждения близких для восполнения дефицита собственной идентичности. Потеря близкого человека воспринимается пограничным субъектом крайне остро, он чувствует, что вместе с уходом человека он теряет и себя. Панический страх покинутости провоцирует деструктивные паттерны, чтобы удержать человека рядом: манипулятивность, суицидальное поведение (стоит отметить, что грань между «криком о помощи и летальным исходом крайне тонка из-за высокого уровня импульсивности), девальвация, упреждающее отвержение, эмоциональная импульсивность и т.д.

Для субъектов с пограничным расстройством личности наиболее характерен дезорганизованный тип привязанности (нарушение привязанности) [1], уже раннее сформировавшийся в травматичной и эмоционально недоступной среде со значимыми взрослыми, которые одновременно являлись источником безопасности и страха. Дезорганизованный тип привязанности представляет собой сильную потребность в близости, страх отвержения, недоверие, цикл «идеализация-обесценивание» или иначе механизм расщепления и дихотомическое мышление при пограничном расстройстве личности.

Вследствие выраженной эмоциональной реактивности и деструктивных паттернов поведения человека, страдающего пограничным расстройством личности, взаимодействие окружающих с пограничным субъектом становится эмоционально напряженным, психологически истощающим и конфликтным. Аффективное состояние вызывают у близких чувство беспомощности, отсутствие безопасности и стабильности, в ряде случаев это способствует дистанцированию либо окончательному разрыву отношений.

Несмотря на нейробиологические и когнитивные особенности, нарушения, связанные с высшими психическими функциями, эмоциональная дисрегуляция лиц с пограничным расстройством личности подвергается коррекции. Наиболее доказательным и эффективным способом коррекции является диалектическая поведенческая терапия (Dialectical Behaviour Therapy, DBT) [3], направленная на развитие навыков осознанности, принятие объективной реальности и эмоционального опыта. Значимым компонентом психокоррекции является ментализация, что приводит к снижению выраженности когнитивных искажений и эмоциональной дестабилизации.

Эмоциональная гиперреактивность, механизм расщепления, страх покинутости и нестабильность образа «Я» существенно затрудняют построение устойчивых межличностных отношений, особенно в романтиче-

ской сфере, способствуя формированию конфликтных и эмоционально напряженных паттернов взаимодействия. Нарушения привязанности, сформированные в раннем опыте взаимодействия со значимыми взрослыми, усиливают зависимость от близких отношений и одновременно повышают чувствительность к отвержению, что нередко приводит к циклам идеализации и девальвации, а также к дестабилизации социальных связей. Однако, эмоциональная нестабильность поддается коррекции при помощи DBT, что может улучшить качество сохранения адаптивных социальных отношений для лиц, имеющие пограничное расстройство личности.

Библиографический список

1. Агарков В. А. Диссоциация и пограничное расстройство личности // Консультативная психология и психотерапия. – 2014. – Т. 22, № 2. – С. 10–37. – URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2014_n2/72305
2. Кернберг О. Ф. Пограничные состояния и патологический нарциссизм. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
3. Лайнен М. М. Когнитивно-поведенческая терапия пограничного расстройства личности / пер. с англ. – М.: Вильямс, 2008. – 592 с.
4. Пограничное расстройство личности [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пограничное_расстройство_личности
5. Pérez-Rodríguez M. M., Bulbena-Cabré A., Bassir Nia A., Zipursky G. et al. The neurobiology of borderline personality disorder // Psychiatric Clinics. – 2018. – Т. 41, № 4. – С. 633–650.
6. Mitolo M., D’Adda F., Evangelisti S., Pellegrini L. et al. Emotion dysregulation, impulsivity and anger rumination in borderline personality disorder: the role of amygdala and insula // European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience. – 2024. – Т. 274, № 1. С. 109–116.

V. SOCIOLOGY

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

EDN NMTXVD

М. А. Головченко

О. Н. Савельев

*Генеральный директор
АО «Микроэлектроника ВПК»,
г. Москва, Россия
PhD, Директор департамента,
АО «ОКБ МЭЛ»,
г. Калуга, Россия*

Summary. In the context of an increasing number of information and digital technologies, information flows are transforming. The increasing volume of data is accompanied by a decrease in the ability to identify high-quality and relevant information that is continuously generated by cyber-physical systems. The functioning of modern enterprises in the digital economy critically depends on the quality of their staff and their competencies. This paper examines the dual nature of the digital economy (as a data-driven economy and as a factor in the transformation of social relations) and analyzes the new requirements for human capital, including professional competencies, sociocultural norms, and the adaptive abilities of employees.

Keywords: digital economy; sociology of innovation; the Fourth Industrial Revolution; human capital; adaptability; professional competencies; social interactions.

Современный этап развития общества характеризуется экспоненциальным ростом информационных и цифровых технологий. Это приводит к кардинальной трансформации информационных потоков и беспрецедентному увеличению объема генерируемых данных в контуре киберфизических систем. Одной из ключевых проблем становится снижение эффективности идентификации качественных и актуальных данных, что требует переосмысления подходов к управлению и принятию решений.

О цифровой экономике и персонале. Эффективное функционирование предприятий в этих условиях во многом определяется качественными характеристиками персонала. Цифровая экономика определяется как «экономика данных», где центральным фактором производства является обработка больших массивов информации для повышения эффективности производства [1, с. 164].

Однако, помимо производственно-технологических изменений, развитие цифровых технологий влечет за собой глубокую трансформацию характера социальных связей и взаимодействий между индивидами и группами во всех областях жизнедеятельности.

Инновации, сопровождающие Четвертую промышленную революцию, по-новому определяют сущность работника, его способности и профессиональные компетенции. В качестве важных факторов производственных и общественных трансформаций, не связанных напрямую с технологиями, выступают:

- профессиональные компетенции;
- социокультурные нормы;
- мораль и нравственность;
- этика поведения работников;
- способности работников к адаптации в сложных ситуациях.

Хотим отметить, что в контексте перехода к Четвертой промышленной революции трансформируются методы решения производственных задач и формы взаимодействия профессиональных групп. Персонал становится основой для успешной реализации стратегических, в том числе инновационных, целей. Новые условия предъявляют качественно иные требования к квалификации, компетентности, а также к социальным, психологическим и когнитивным ресурсам человека. Актуализируется значение адаптивности, мобильности, активной позиции личности и инновационного потенциала.

В связи с происходящей трансформацией общества в условиях цифровизации можно отметить несколько ключевых аспектов, которые отражают технологические, экономические и социальные изменения:

1. Интеллектуализация управления и роль искусственного интеллекта (ИИ).

В условиях снижения эффективности идентификации качественных данных критическим становится внедрение искусственного интеллекта (ИИ) и алгоритмов машинного обучения.

- Автоматизация фильтрации: ИИ позволяет не просто обрабатывать массивы Big Data, но и выделять в них «сигналы» среди «шума», решая проблему верификации данных в реальном времени.
- Прогнозная аналитика: Переход от реактивного управления к предиктивному, когда решения принимаются на основе моделей будущего развития ситуации.

2. Новые требования к компетенциям персонала.

Помимо общих качественных характеристик, в цифровой экономике на первый план выходят специфические навыки:

- Цифровая грамотность и Data Literacy: Умение работать с данными становится базовым требованием для всех сотрудников, а не только IT-специалистов.
- Непрерывное образование (Lifelong Learning): Скорость обновления технологий требует от персонала способности к постоянному переобучению.

- Мягкие навыки (Soft Skills): В условиях автоматизации рутины возрастает ценность критического мышления, креативности и эмоционального интеллекта, которые сложно заменить алгоритмами.

3. Этические и социогуманитарные аспекты.

Трансформация социальных связей несет в себе новые вызовы:

- Проблема «цифрового разрыва»: Риск усиления социального неравенства между теми, кто имеет доступ к технологиям и компетенциям, и теми, кто от них отчужден.
- Алгоритмическая прозрачность и этика: Необходимость учета социально-гуманитарных ценностей при создании систем управления, чтобы избежать дискриминации и нарушения приватности.
- Экономика внимания: Трансформация социальных взаимодействий приводит к тому, что внимание пользователя становится таким же ценным ресурсом, как и сами данные.

4. Роль государства в регулировании.

Для реализации «быстрых и резких технологических изменений» необходимо активное участие государства:

- Создание правовой базы для работы с данными и киберфизическими системами.
- Инвестиции в фундаментальную науку и инновационную инфраструктуру, которые несут слишком высокие риски для частного бизнеса.

Рассматривая вопросы о персонале и «экономике данных» стоит сфокусироваться на когнитивной нагрузке и новом типе лидерства:

- Когнитивный фильтр и критическое мышление: В условиях избыточности данных («информационного шума») главной характеристикой персонала становится не способность найти информацию, а навык её критической верификации. Ценность сотрудника теперь определяется умением отсекаать нерелевантные массивы данных, сохраняя фокус на стратегических целях.
- Концепция Human-in-the-loop (Человек в контуре): Несмотря на автоматизацию киберфизических систем, ключевым звеном остается человек, принимающий решения в ситуациях высокой неопределенности, где алгоритмы бессильны из-за отсутствия исторических данных.
- Стирание границ «дом-работа»: Глубокая трансформация социальных связей приводит к формированию гибридной идентичности работника. Цифровизация разрушает традиционную корпоративную иерархию, заменяя её сетевыми структурами и проектными командами, что требует от персонала высокой степени самоорганизации.
- Алгоритмическое управление: Важно отметить риск «цифрового отчуждения», когда социальные взаимодействия внутри коллектива начинают диктоваться алгоритмами (KPI, трекеры продуктивности), что может снижать лояльность и креативный потенциал кадров. [2, с. 113].

В контексте цифровой трансформации классическая вертикальная иерархия (пирамида) уступает место сетевым структурам (пирамида) уступает место сетевым структурам и плоским структурам:

- **Переход от иерархии к сетевым структурам (Agile-структуры):** Вместо жестких департаментов создаются кросс-функциональные команды. Это позволяет принимать решения на уровне исполнителей, обладающих прямым доступом к данным, минуя цепочку согласований, которая в условиях «экспоненциального роста данных» становится тормозом.
- **Децентрализация принятия решений:** В киберфизических системах оперативное управление передается «на периферию». Руководитель перестает быть контролером и становится архитектором среды, обеспечивающим сотрудников инструментами анализа и ресурсами.
- **Дата-центричное управление (Data-Driven Management):** Организационная структура перестраивается вокруг информационных потоков, а не административных функций. Это внедряет культуру «доказательного менеджмента», где авторитет руководителя подкрепляется объективной аналитикой, а не просто должностью.
- **Виртуализация и экосистемный подход:** Границы организации размываются. Современное предприятие функционирует как платформа, интегрируя внешних фрилансеров, партнеров и даже клиентов в единый цифровой контур через API и облачные сервисы.
- **Сокращение среднего звена (Middle Management):** Поскольку функции сбора и первичной фильтрации данных автоматизируются, роль менеджеров среднего звена как «передатчиков информации» исчезает, что делает структуру более прозрачной и экономически эффективной. [3, с. 510].

Рассмотрим примеры структур, которые иллюстрируют переход от иерархии к сетевому управлению:

1. Модель Spotify (Автономные «Трайбы»).

Вместо классических отделов компания использует систему «Трайбов» (Tribes), «Сквадов» (Squads) и «Главы» (Chapters).

- **Суть:** Маленькие кросс-функциональные команды (сквады) работают как мини-стартапы. Они сами решают, что и как делать для достижения цели.
- **Результат:** Это минимизирует бюрократию. Решения принимаются там, где есть данные и техническая экспертиза, а не в кабинете топ-менеджера.

2. Холакратия (Zappos).

Это радикальный отказ от должностей в пользу «ролей».

- **Суть:** Организация состоит из вложенных «кругов». У каждого круга есть своя зона ответственности, но внутри него нет начальников – есть только распределенные роли.
- **Результат:** Высокая адаптивность. Структура меняется мгновенно, как только меняется рыночная ситуация или поток данных, без ожидания приказов «сверху».

3. Экосистема Haier (Микропредприятия).

Китайский гигант бытовой техники разделил компанию на тысячи микропредприятий (Micro-enterprises).

- Суть: Каждое подразделение взаимодействует с другими на рыночных условиях. Если внутренний IT-отдел работает плохо, производственный отдел может нанять внешнего подрядчика.
- Результат: Сотрудники превращаются в предпринимателей. Это решает проблему «цифрового разрыва» между руководством и исполнителями, так как каждый видит прямую связь между качеством обработки данных и своим доходом.

4. Valve (Плоская структура).

В этой компании (разработчик Steam) формально нет менеджеров.

- Суть: Сотрудники сами выбирают проекты, над которыми хотят работать. Рабочие столы снабжены колесиками, чтобы люди могли физически перемещаться к той группе, с которой они сейчас создают продукт.
- Результат: Максимальная концентрация талантов на самых актуальных задачах, выявленных в ходе анализа рыночных данных [4, с. 81].

Таким образом, экспоненциальный рост цифровых технологий и переход к «экономике данных» радикально меняют архитектуру современного предприятия. Киберфизические системы требуют не просто автоматизации, а качественного изменения управленческой парадигмы: от жестких иерархий к гибким сетевым структурам (таким как модели Spotify или Haier) [5, с. 376].

В этих условиях эффективность организации напрямую зависит от способности персонала не только обрабатывать массивы информации, но и проявлять высокую самоорганизацию в условиях децентрализации. Трансформация социальных связей внутри компании превращает руководителя из контролера в архитектора экосистемы, где данные становятся фундаментом, а человеческий капитал – главным фильтром их актуальности и ценности для принятия стратегических решений.

Библиографический список

1. XVI Международная научная конференция «Сорокинские чтения» - URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/896909211.pdf> (дата обращения 19.03.2026).
2. Социогуманитарные аспекты цифровых трансформаций и искусственного интеллекта - URL: <https://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2022c.pdf> (дата обращения 19.03.2026).
3. Цифровые технологии и право. Том 1. - URL: https://www.researchgate.net/profile/Ildar-Begishev-2/publication/367295333_Digital_Technologies_and_Law_collection_of_scientific_articles_of_the_I_International_Scientific_and_Practical_Conference_Kazan_September_23_2022_edts_I_R_Begishev_E_A_Gromova_M_V_Zaloilo_I_A_Filipova_/links/63ca973ad9fb5967c2ef449c/Digital-Technologies-and-Law-collection-of-scientific-articles-of-the-I-International-Scientific-and-Practical-Conference-Kazan-September-23-2022-eds-I-R-Begishev-E-A-Gromova-M-V-Zaloilo-I-A-Fi.pdf (дата обращения 20.03.2026).

4. Искусственный интеллект в решении актуальных социальных и экономических проблем XXI века. – URL: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/FJB08w4WyiQ.pdf> (дата обращения 20.03.2026).
5. Цифровые технологии и право. Международная научно-практическая конференция. – URL: <https://ieml.ru/podrazdeleniya-universiteta/izdatelstvo-poznanie/sborniki/tsifrovye-tekhnologii-i-pravo/2022-1/tom1.pdf> (дата обращения 20.03.2026).
6. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения 20.03.2026).

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АГРОГОРОДКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

EDN JSQWMU

М. М. Зеленская

*Аспирант,
Институт социологии НАН Беларуси,
г. Минск, Беларусь*

Summary. This article characterizes the agrotown as a type of rural settlement. The concept of social solidarity is examined. Specific forms of social solidarity in modern society are identified, and their specific characteristics within rural settlements are defined.

Keywords: social solidarity; agrotown; rural settlement; rural community.

В Беларуси по данным Национального статистического комитета сельские поселения составляют порядка 99 % от общего количества населенных пунктов, включая поселки, деревни, села, хутора, а с внесением изменений в Закон Республики Беларусь «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь», этот список пополнился понятием «агрогородок». Агрогородок – это сельский населенный пункт, «в которых создана производственная и социальная инфраструктура для обеспечения государственных минимальных социальных стандартов проживающему в них населению и жителям прилегающих территорий» [3]. Обеспечение уже на начальном этапе определенного уровня жилищно-бытовых условий, способствует реализации доступного социально-культурного потенциала в случае заинтересованной включенности местного населения. Это касается, в первую очередь, благоустройства своего населенного пункта, создания безопасной среды, совместного решения локальных вопросов. Все эти аспекты тесно связаны с определением «социальная солидарность».

Понятие социальная солидарность, благодаря своей фундаментальности, входит в сферу научных интересов целой плеяды классиков социологии, таких как Г. Спенсер, Ф. Тённис, П. Сорокин, Т. Парсонс. Несмотря

на различные подходы к интерпретации понятия, наличие социальной солидарности признается необходимым условием полноценного функционирования общества. Французский социолог Эмиль Дюркгейм, подробно рассмотрел феномен социальной солидарности в своей работе «О разделении общественного труда». В интерпретации российского социолога А. Б. Гофмана, социальная солидарность по Э. Дюркгейму определяется как «объективная» взаимосвязь и взаимозависимость индивидов и групп, иногда – как «субъективное» чувство единства между индивидами, симпатии, альтруизма, принадлежности к группе, групповая идентификация и самоидентификация» [1].

В соответствии с классификацией Э. Дюркгейма более прогрессивной формой солидарности является органическая, однако в сельских населенных пунктах наблюдается, а подчас и преобладает механическая солидарность, присущая традиционному обществу. В данном случае это не определяет сельское сообщество как регрессивное, а скорее указывает на особенности организации быта. Сообщество сельских жителей характеризуется более тесными социальными связями, типично является более «закрытым». Тем не менее, именно благодаря этим особенностям, главным образом сельское население является хранителем традиционной национальной культуры и идентичности. Учитывая тот факт, что понятие солидарность присуще, в принципе, только обществу, в контексте сельского населенного пункта оправданно говорить скорее о солидарности «повседневной». Формы солидарности, преобладающие в сельских населённых пунктах обусловлены спецификой жизненного уклада местного населения. Агрогородок, официально относится к сельским населённым пунктам, но в тоже время имеет свои характерные особенности, среди которых социально-бытовые условия, приближенные к городским, наличие более развитой инфраструктуры и коммуникаций.

Обновленный формат организации жизнедеятельности привел к необходимости трансформации повседневных социальных практик сельского населения. В таких условиях взаимная поддержка и сотрудничество местных жителей имеет особую значимость. С одной стороны, молодежь, как наиболее активная и динамичная социально-демографическая группа, помогает людям зрелого возраста адаптироваться к переменам в привычном укладе сельской жизни. С другой стороны, условия, созданные в агрогородках, содействуют привлечению и закреплению молодых специалистов, что в свою очередь приводит к востребованности такого формата взаимопомощи как наставничество. Наставничество – «универсальная технология, позволяющая передавать опыт и знания в форме информации, навыков и улучшения метакомпетенций через неформальное или формальное общение на основе доверия и партнерства» [2]. Такие формы взаимопомощи лежат в основе создания здоровой социальной среды, содействуют сохранению преемственности поколений.

Волонтерское движение, широко распространенное в крупных городах, не является характерной моделью взаимодействия сельских жителей и находится на текущий момент на этапе развития. Помощь, осуществляемая на безвозмездной основе, представляет собой преимущественно иную модель. До настоящего времени в сельских населенных пунктах можно встретить исторически сложившуюся форму взаимопомощи, известную в Беларуси, как «Талака». «Талака» – это древний обычай, включающий в себя выполнение сложных работ общими усилиями, а на современном этапе – форма проявления социальной солидарности сельского населения в повседневных хозяйственных практиках. Подтверждением жизнеспособности «Талаки» служат результаты республиканского социологического исследования, проведенного в 2025 году Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси, в ходе которого респондентам был задан вопрос: «Что (кто) помогает Вам справляться с жизненными трудностями?» (учитывались частотные оценки по пункту «помощь со стороны других людей»). Значения показателя социальной солидарности по 5-балльной шкале (где 1 – минимальное, а 5 – максимальное значение), для городского и сельского населения практически совпадали (2,62 и 2,68 балла, соответственно), однако доля выбравших вариант ответа «помощь со стороны других людей помогает во всех ситуациях» среди горожан составила 3,4 %, а среди сельских жителей достигла 11,4 %.

В текущий момент в Беларуси тема социальной солидарности в целом не теряет актуальности. В контексте трансформационных процессов в современном обществе она затрагивается в работах доктора социологических наук, член-корреспондента Национальной академии наук Беларуси А. Н. Данилова, социальная солидарность молодежи является одной из сфер научных интересов кандидата философских наук Л. В. Филинской. Кроме того, на регулярной основе вопросы, касающиеся социальной солидарности, включаются в исследования Института социологии НАН Беларуси. Что касается непосредственно сельского населения, можно отметить, что социальная солидарность на данном этапе сохраняет преимущественно традиционные формы, однако в условиях трансформации сельских населенных пунктов приобретает новые черты. Этот процесс, с одной стороны, способствует сохранению национальных традиций и обычаев, с другой, – является фундаментом для построения на их основе новых форм, обеспечивающих социальную стабильность и содействующих дальнейшей консолидации общества.

Библиографический список

1. Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социальная солидарность и альтруизм: социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования : сборник научных трудов / ответственный редактор Д. В. Ефременко. – Москва : ИНИОН РАН, 2014. – С. 16–100.

2. Никитина В. В. Роль наставничества в современном образовании // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2013. – № 6 (15). – С. 50–56.
3. Республика Беларусь. Законы. Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 154-З : в редакции от 31 декабря 2014 г. № 229-З // iLex : информационно-правовая система. – URL: <https://ilex.by> (дата обращения: 20.05.2026). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

VI. ECONOMICS

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМАТИВЫ И АЛГОРИТМЫ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМИ НА РОССИЙСКИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

EDN JXYUQQ

М. А. Головченко

О. Н. Савельев

*Генеральный директор,
АО «Микроэлектроника ВПК»,
г. Москва, Россия
PhD, директор департамента
АО «ОКБ МЭЛ»,
г. Калуга, Россия*

Summary. This article discusses the development of social norms and algorithms that translate abstract sociological data into specific rules for managing employees at a factory. It explains how these algorithms replace intuitive management decisions with clear instructions. Examples of social algorithms are given.

Keywords: innovation; sociology of innovation; sociology of management; social standards; innovation management algorithms; staff readiness index for change.

Современный этап инновационного развития отечественного производства остро обнажил проблему квалификационных и коммуникационных разрывов среди персонала. Внедрение передовых технологий требует от менеджмента не просто переобучения сотрудников, а создания новой, гибкой системы социальных регуляторов. Настоящая работа посвящена исследованию вопросов применения социальных нормативов и пошаговых алгоритмов как инструментов успешной адаптации работников к изменяющимся условиям труда.

В условиях ускоренной модернизации российской промышленности успех внедрения инноваций на производственных предприятиях все больше зависит от готовности человеческого капитала к организационным изменениям, при этом, традиционные экономико-технологические подходы часто игнорируют риски социального сопротивления персонала и деструкции устоявшихся трудовых связей. В связи с этим возникает необходимость разработки и применения четких социальных нормативов и алгоритмов, способных минимизировать данные риски и институционализировать инновационные практики в организационной культуре предприятий.

Количественные или качественные показатели (индикаторы), которые предприятие обязано поддерживать для успешного внедрения инноваций это и есть социальные нормативы. Рассмотрим ряд примеров.

1. Индекс готовности к изменениям (ИГИ): Нижний допустимый порог – 65 % лояльного персонала перед стартом модернизации цеха. Если

по результатам опроса индекс ниже, запуск оборудования откладывается ради проведения разъяснительной работы.

2. Предел социально-психологической нагрузки: Норматив, запрещающий совмещать в один календарный год три радикальных изменения для одного подразделения (например, одновременную смену KPI, внедрение новой ERP-системы и сокращение штата).

3. Квота на инновационную активность: Норматив, требующий вовлечения не менее 15 % рядовых сотрудников цеха в проектные группы по модернизации. Это исключает ситуацию, когда реформы навязываются исключительно «сверху».

5. Коэффициент информированности: Показатель, согласно которому не менее 90 % рабочих должны точно знать цели модернизации, сроки её проведения и личную выгоду (изменение зарплаты, условий труда) до начала работ [1, с. 76].

Социальные алгоритмы – это пошаговые сценарии действий менеджмента для решения конкретных социальных задач или преодоления кризисов в процессе инноваций.

1. Алгоритм минимизации сопротивления при оптимизации штата.

Выявление зоны риска: Социологи проводят анонимный опрос и определяют группы сотрудников, наиболее агрессивно настроенных против автоматизации.

Профилирование страхов: Разделение опасений работников на категории (страх потери дохода, страх не справиться со сложным ПО, страх увольнения).

Адресная компенсация: Для тех, кто боится не справиться, запускается алгоритм опережающего переобучения; для увольняемых – алгоритм аутплейсмента (помощь в трудоустройстве на другие заводы холдинга или региона).

2. Алгоритм запуска рационализаторской деятельности («Фабрика идей»).

Сбор предложений: создание цифровой платформы или физических боксов в цехах, где рабочий может оставить идею по улучшению процесса без бюрократии.

Экспертная оценка за 48 часов: закреплённый регламентом шаг, предотвращающий «затухание» инициативы. Автор должен быстро получить ответ.

Публичное признание: включение алгоритма нематериальной мотивации (доска почёта, личная благодарность директора, статус «Инноватор месяца»).

Пропорциональное премирование: выплата автору фиксированного процента от реального экономического эффекта, принесённого его рацпредложением за первый год.

Чтобы определить степень готовности сотрудников к изменениям, рассчитывается индекс готовности персонала к изменениям (ИГИ).

В прикладной социологии ИГИ рассчитывается на основе регулярных анонимных опросов (анкетирования). Для этого используется методика интегрального индекса, где каждый сотрудник оценивает утверждения по шкале Лайкерта от 1 до 5 баллов (1 – абсолютно несогласен, 5 – полностью согласен).

1. Ключевые блоки вопросов (Субстраты индекса).

Индекс формируется из трех базовых компонентов:

- Когнитивный ($\backslash(K\backslash)$): Понимание сути реформы. (Пример вопроса: «Я четко понимаю, зачем предприятию нужно внедрение новой ERP-системы»).
- Эмоциональный ($\backslash(E\backslash)$): Уровень тревоги или оптимизма. (Пример вопроса: «Я уверен, что модернизация не ухудшит мои условия труда и доход»).
- Поведенческий ($\backslash(B\backslash)$): Готовность действовать. (Пример вопроса: «Я готов тратить личное время на освоение нового оборудования/программ»).

2. Формула интегрального индекса.

Для каждого сотрудника рассчитывается средний балл по каждому блоку, а затем вычисляется итоговый ИГИ по формуле:

$$\backslash(\text{ИГИ} = \frac{\backslash = \{K\} \cdot w_{1} + \backslash = \{E\} \cdot w_{2} + \backslash = \{B\} \cdot w_{3}}{5} \cdot 100\% \backslash)$$

Где:

- $\backslash(\bar{K}, \bar{E}, \bar{B}\backslash)$ – средние оценки сотрудника по блокам (от 1 до 5).
- $\backslash(w_1, w_2, w_3\backslash)$ – весовые коэффициенты (в сумме равны 1). В социологии управления инновациями поведенческому блоку обычно задают больший вес (например, $\backslash(w_1 = 0.25\backslash)$, $\backslash(w_2 = 0.25\backslash)$, $\backslash(w_3 = 0.50\backslash)$), так как реальные действия важнее абстрактного понимания.

3. Интерпретация результатов по цеху/предприятию.

- 80–100 % (Высокая готовность): персонал вовлечен. Можно внедрять изменения в форсированном режиме.
- 65–79 % (Средняя готовность): нейтральное отношение. Требуется усиление информирования и точечное обучение.
- Ниже 65 % (Критический уровень): зона высокого риска. Старт инноваций необходимо заморозить. Высока вероятность забастовок, массовых увольнений или скрытого саботажа [1, с. 84].

Мастера и начальники участков – ключевое звено. Если они саботируют инновацию, то передают это рабочим, полностью блокируя изменения. Их саботаж редко бывает открытым, чаще он выражается в форме: «Оборудование постоянно ломается», «Новая программа зависает, мы заполняем журналы вручную, чтобы не сорвать план».

В качестве инструкции по преодолению саботажа мастеров цехов можно взять следующее.

Шаг 1. Социологический аудит и выявление причин саботажа

Необходимо провести конфиденциальные интервью с мастерами силами внешней службы или HR-социологов.

Цель: разделить технологические проблемы от психологического сопротивления.

Типичная скрытая причина: мастер боится потерять свой авторитет («экспертную власть»). Раньше он знал старый станок лучше всех, а теперь молодой оператор разбирается в ЧПУ быстрее него.

Шаг 2. Нейтрализация конфликта «План vs Инновации»

Главная ошибка руководства – требовать внедрения инноваций без снижения текущего производственного плана. Мастер выбирает план, так как за него платят премию.

Действие: на период освоения новой технологии (от 1 до 3 месяцев) зафиксировать «инновационный регламент». Снизить норму выработки на 15–20% либо начислять премию за выполнение плана с учетом коэффициента освоения новой техники.

Шаг 3. Включение мастеров в «Проектный комитет»

Нельзя ставить линейных руководителей перед фактом.

Действие: сделать мастеров соавторами изменений. Привлечь их на этапе закупки оборудования или тестирования ПО. Задать вопрос: «Иван Иванович, с вашим опытом, какие уязвимые места вы видите в этом регламенте?». Мастер, чьи замечания были учтены, перестает быть врагом инновации, так как чувствует личную ответственность за её успех.

Шаг 4. Опережающее элитарное обучение

Мастер должен учиться первым.

Действие: организовать обучение новой технологии для мастеров до того, как к ней допустят рядовых рабочих. Желательно с выездом на другое предприятие холдинга или завод-изготовитель. Это сохраняет его статус главного эксперта на участке. Рабочие должны приходить за подсказками к мастеру, а не к внешним ИТ-консультантам.

Шаг 5. Изменение КРІ и увязка с результатом внедрения

Если мягкие методы не сработали, применяется административное давление.

Действие: ввести в КРІ мастера показатель «Доля операций, выполненных в новой системе/на новом оборудовании» (целевое значение – >90 %). Пока показатель не достигнут – премиальная часть мастера за месяц блокируется. Саботировать инновацию становится экономически невыгодно.

Шаг 6. Административная ротация («Последнее предупреждение»)

Если мастер продолжает скрыто призывать рабочих игнорировать новые процессы.

Действие: официальный перенос сроков или перевод мастера на немодернизированный участок с потерей в статусе, либо замена на молодого лояльного бригадира из кадрового резерва. Это демонстрирует остальному коллективу жесткость намерений руководства.

Для производства микроэлектроники (микросхем), например, внедрение бережливого производства (Lean) обладает жесткой спецификой. Здесь нельзя просто «переставить верстаки». Производство микросхем привязано к чистым помещениям (классам чистоты ISO), сложнейшим техническим комплексам, а также к жестким регламентам, где любое изменение траектории движения сотрудника или тары может нарушить воздушные потоки и вызвать всплеск брака.

Старые алгоритмы не работают в современной российской реальности (из-за ухода западного ПО, необходимости форсированного импортозамещения, дефицита высококвалифицированных кадров в микроэлектронике) и социальные нормативы и алгоритмы управления инновациями призваны помочь рабочим и инженерам быстрее внедрять новые идеи и инновации.

Успех импортозамещения на предприятиях, в частности в микроэлектронике, зависит не только от закупки оборудования или написания кода, но и от гибкости социальной структуры предприятия. Новые управленческие алгоритмы жизнеспособны только тогда, когда они опираются на органичные для коллектива социальные нормативы поддержки инноваций и алгоритмы управления инновациями.

Библиографический список

1. XVI Международная научная конференция «Сорокинские чтения». URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/896909211.pdf> (дата обращения 20.05.2026).
2. Социогуманитарные аспекты цифровых трансформаций и искусственного интеллекта. URL: <https://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2022c.pdf> (дата обращения 20.05.2026).

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ HR-ТЕХНОЛОГИЙ В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ РОССИИ: 2022–2025

EDN IWVADR

Н. Р. Зубов

*Аспирант,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»,
г. Москва, Россия*

Summary. The article examines the process of replacing Western HR technologies with domestic solutions in the Russian banking sector in 2022–2025. The main technological segments affected by the forced migration are identified, and the systemic barriers hindering the full-scale transition are characterized. The specific nature of the banking sector as both a leader and the most demanding customer in the process of import substitution in HR-tech is analyzed. The author's assessments of the risks and prospects for completing the transition to domestic tools are formulated.

Keywords: import substitution; HR technologies; banking sector; HR-tech; electronic document management (EDM); HRM systems; SAP; digital transformation.

Уход западных поставщиков корпоративного программного обеспечения с российского рынка в 2022 году затронул практически все уровни цифровой инфраструктуры организаций. Одной из наиболее чувствительных зон оказалась HR-сфера: расчёт заработной платы, ведение кадрового учёта, подбор, обучение и оценка персонала – все эти процессы в крупных компаниях опирались на западные платформы, прежде всего SAP SuccessFactors, Workday и Oracle HCM [1].

Банковский сектор занимает в этой истории особое место. С одной стороны, он традиционно является лидером цифровизации в российской экономике, и уровень внедрённости западных HR-решений у него был выше, чем в большинстве других отраслей. С другой стороны, именно банки попали под наиболее жёсткое регуляторное давление в части импортозамещения: требования ЦБ РФ к информационной безопасности, обработке персональных данных и защите критической инфраструктуры сделали продолжение работы на западных платформах практически невозможным [2].

Российский рынок HR-tech в этот период демонстрировал быстрый рост. По оценке TAdviser, его объём по итогам 2023 года составил 33,6 млрд рублей (+15 %), а по итогам 2024 года – вырос ещё на 35 %, до 21 млрд рублей по скорректированной методике оценки [3]. По данным Smart Ranking, во II квартале 2024 года рынок показал рост на 40 % в годовом выражении, достигнув 22,5 млрд рублей [4]. Столь высокая динамика в значительной мере объясняется именно импортозамещающим спросом.

Западные HR-системы закрывали в банках весь технологический стек управления персоналом. Процесс их замещения затронул несколько принципиально разных функциональных сегментов, каждый из которых имеет собственную динамику и собственные трудности перехода.

Комплексные HRM/HCM-системы (SAP SuccessFactors, Workday) – наиболее сложный сегмент для замещения. Эти платформы обеспечивали сквозную автоматизацию от кадрового учёта до стратегического планирования персонала. По данным Smart Ranking, с 2022 года интеграторы реализовали более 30 проектов по замене HR-продуктов SAP в крупном бизнесе [1]. Среди наиболее активно внедряемых отечественных альтернатив – 1С:Зарплата и управление персоналом (1С:ЗУП), K-Team HRM (ГК КОРУС Консалтинг), а также облачные платформы HRlink и Directum HR Pro для КЭДО-сегмента.

Системы кадрового электронного документооборота (КЭДО) – сегмент, получивший дополнительный импульс от законодательного изменения: легализация безбумажного кадрового документооборота стала одним из ключевых драйверов рынка [3]. До 2022 года рынок КЭДО в России фактически отсутствовал как самостоятельный сегмент; после ухода западных вендоров и принятия нормативных изменений он стал одним из наиболее

быстрорастущих. Для банков переход на КЭДО облегчён наличием собственной IT-инфраструктуры и высокой цифровой зрелостью персонала.

Системы подбора персонала (ATS) и HR-аналитики – сегмент, где отечественные решения (Skillz, Поток, HunterBase) к 2022–2023 годам уже имели достаточную функциональность для замещения западных аналогов. По данным исследования Smart Ranking, по итогам 2024 года именно подбор персонала остаётся лидирующим сегментом рынка HR-tech по выручке – свыше 50 млрд рублей в совокупном исчислении по топ-80 компаниям [4]. Для банков, ежегодно принимающих тысячи сотрудников, замещение ATS-инструментов прошло относительно безболезненно.

Системы дистанционного обучения (LMS) – здесь банковский сектор традиционно инвестировал в собственные разработки. Корпоративные университеты Сбербанка, ВТБ и Альфа-Банка к моменту ухода западных вендоров располагали внутренними платформами, что снизило критичность перехода. Тем не менее ряд специализированных инструментов (в частности, для виртуальной реальности в обучении) оказался сложнее всего для замещения.

Банковский сектор предъявляет к HR-технологиям требования, существенно превышающие стандартный корпоративный уровень. Это обусловлено тремя группами факторов.

Регуляторные требования. Обработка персональных данных сотрудников в банке подпадает под действие 152-ФЗ «О персональных данных», а системы, связанные с критической информационной инфраструктурой, – под действие 187-ФЗ. Это означает, что любое HR-решение, претендующее на использование в банке, должно не только выполнять функциональные задачи, но и соответствовать требованиям ФСТЭК и ФСБ в части информационной безопасности. Западные платформы, работавшие преимущественно через облачные сервисы зарубежного хостинга, этим требованиям не отвечали даже до 2022 года [2].

Масштаб и сложность кадровых процессов. Крупнейшие российские банки – работодатели с численностью персонала от нескольких десятков до трёхсот тысяч сотрудников. При таком масштабе требования к производительности, надёжности и глубине интеграции HR-системы с финансовыми и операционными контурами резко возрастают. По данным TAdviser, лидерами перехода на российское ПО стали госсектор, банковская сфера, телеком, ритейл и промышленность, причём «в банковском секторе и телекоме некоторые крупные игроки сохраняют гибридные системы» [5] – что само по себе говорит о сложности полной миграции.

Конкуренция за IT-персонал. Банки конкурируют за разработчиков и IT-специалистов не только с технологическими компаниями, но и с отечественными HR-tech-вендорами, которым требуются те же компетенции. Дефицит квалифицированных внедренцев тормозит реализацию проектов импортозамещения.

Процесс импортозамещения HR-технологий в банковском секторе сопряжён с рядом системных барьеров, которые не решаются простой заменой одного продукта другим.

Первый барьер – функциональный разрыв. По данным CNews Analytics, российские HR-платформы к 2024 году закрыли базовый функциональный запрос в таких сегментах, как подбор, КЭДО и базовый кадровый учёт. Однако в части HR-аналитики, планирования преемственности и интеграции с системами управления эффективностью отечественные решения по-прежнему уступают западным аналогам образца 2021 года [6].

Второй барьер – миграционные издержки и скепсис пользователей. По данным TAdviser, у компаний, имевших негативный опыт первых волн миграции, сохраняется скептицизм к отечественному ПО [5]. В банковском секторе, где HR-службы привыкли к высокому уровню UX западных платформ, переход на продукты с менее проработанным интерфейсом нередко вызывает сопротивление персонала.

Третий барьер – «зоопарк систем» и фрагментарность интеграций. Многие банки второго и третьего эшелона решали задачу импортозамещения не системно, а точечно: одни процессы перевели на одну платформу, другие – на другую, не обеспечив сквозной интеграции. В результате возникла ситуация, при которой данные о сотрудниках хранятся в нескольких несвязанных системах, что де-факто делает невозможным полноценный HR-аналитический контур.

По оценке участников рынка, импортозамещение HR-технологий в российском бизнесе может завершиться в ближайшие 3–5 лет [6]. Автор полагает, что для банковского сектора этот прогноз оправдан в части базовых транзакционных HR-процессов, но остаётся под вопросом применительно к аналитическому и стратегическому уровням HR-автоматизации.

Принципиально важно, что процесс импортозамещения не просто меняет поставщиков технологий – он меняет конкурентную конфигурацию самого HR-tech-рынка. Банки, располагающие собственными IT-командами, начали разрабатывать внутренние HR-решения и выводить их на внешний рынок. Это создаёт нетипичную для мировой практики ситуацию, при которой крупные финансовые организации становятся конкурентами HR-tech-вендоров. В перспективе 3–5 лет такая инсорсинговая модель может оказаться значимым фактором структурирования рынка.

Другим неочевидным следствием является трансформация профиля компетенций HR-специалистов в банках. Работа с западными платформами не требовала глубокого понимания логики кадровых процессов – система «вела» пользователя. Отечественные решения, особенно в части настройки и интеграции, требуют существенно более высокого уровня цифровой грамотности HR-службы. Это означает, что банки, успешно завершившие импортозамещение, окажутся с качественно иной и более квалифицированной HR-функцией.

Библиографический список

1. Россия без SAP: кто лидирует в импортозамещении комплексных HR-систем [Электронный ресурс] // Smart Ranking. URL: <https://smartranking.ru/ru/analytics/hrtech/rossiya-bez-sap-kto-lidiruet-v-importozameshenii-kompleksnyh-hr-sistem/> (дата обращения: 15.05.2026).
2. Импортозамещение в банках 2024 [Электронный ресурс] // CNews. URL: https://www.cnews.ru/reviews/importozameshchenie_it-reshenij_v_rossijskih (дата обращения: 15.05.2026).
3. Российский рынок HR-tech [Электронный ресурс] // TAdviser. - 2024–2025. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Российский_рынок_HR-tech (дата обращения: 15.05.2026).
4. Российский рынок HR-Tech по итогам 2024 года [Электронный ресурс] // ICT.Moscow. URL: <https://ict.moscow/analytics/rossiiskii-rynok-hr-tech-po-itogam-2024-goda/> (дата обращения: 15.05.2026).
5. Комментарий в тематический обзор TAdviser «Российский рынок HR-tech, итоги 2025» [Электронный ресурс] // BOSS.ru. URL: <https://boss.ru/company/articles/kommentariy-v-tematicheskij-obzor-tadviser-rossiyskiy-rynok-hr-tech-po-itogam-2025/> (дата обращения: 15.05.2026).
6. Эксперты прогнозируют завершение импортозамещения HR-tech в ближайшие 3–5 лет [Электронный ресурс] // CNews Analytics. - 2024. URL: https://www.cnews.ru/reviews/rynok_hr_tech/articles/eksperty_prognoziruyutcto_importozameshchenie (дата обращения: 15.05.2026).
7. «Бум» российского HR-tech к концу 2023 года. Итоги 2022-го на рынке HR-решений [Электронный ресурс] // Smart Ranking. URL: <https://smartranking.ru/ru/analytics/hrtech/bum-rossijskogo-hr-tech-k-koncu-2023-goda-itogi-2022-go-na-rynke-hr-reshenij/> (дата обращения: 15.05.2026).
8. Российский рынок HR-tech 2024 [Электронный ресурс] // GMCS. URL: <https://www.gmcs.ru/press-center/press-about/rossiyskiy-rynok-hr-tech-2024/> (дата обращения: 15.05.2026).
9. Российский HRTech в 2025 году: тренды на рынке [Электронный ресурс] // Поток. URL: <https://potok.io/blog/hr-overview/russian-hr-tech/> (дата обращения: 15.05.2026).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОПЕРАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ МАЛОГО ПРЕДПРИЯТИЯ: МЕТОДИКА ОЦЕНКИ

EDN IWXYGP

Е. И. Янгирова
Т. Ш. Намазов

*Доктор экономических наук, профессор,
студент,
Уфимский университет науки
и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан,
Россия*

Summary. The article discusses approaches to assessing the economic efficiency of operational strategy of small enterprises. A methodology is proposed that includes a system of performance indicators and cost efficiency. The stages of calculating an integral indicator adapted to the limited resources of small business are identified.

Keywords: economic efficiency; operational strategy; small enterprise; evaluation methodology; indicators; profitability; productivity.

В условиях цифровой экономики малые предприятия вынуждены не только формулировать операционную стратегию, но и оценивать её экономическую отдачу. Под экономической эффективностью операционной стратегии понимается соотношение полученных операционных результатов и затрат, связанных с реализацией стратегических решений в области организации операционной деятельности [1, с. 112]. Традиционные подходы, ориентированные на рентабельность продаж или активов, не учитывают специфику малого бизнеса: ограниченность ресурсов, высокую зависимость от скорости оборота и уровень цифровизации процессов [3, с. 215].

Методика оценки экономической эффективности операционной стратегии для малых предприятий должна быть простой, опираться на доступные данные бухгалтерского и управленческого учёта и позволять сравнивать результаты до и после внедрения стратегических изменений. В литературе выделяют три группы показателей: показатели результативности (рост выручки, доля рынка), показатели затратноотдачи (операционные затраты на рубль выручки, себестоимость единицы продукции) и показатели использования ресурсов (фондоотдача, производительность труда) [4, с. 87].

На основе обобщения существующих подходов можно предложить методику, включающую четыре этапа (табл. 1).

Таблица 1

**Этапы оценки экономической эффективности
операционной стратегии малого предприятия**

Этап	Содержание	Инструменты
1. Сбор исходных данных	Фиксация операционных и финансовых показателей за периоды до и после реализации стратегии	Бухгалтерская отчётность, управленческие регистры, CRM
2. Расчёт частных показателей	Определение коэффициентов рентабельности операционной деятельности, оборачиваемости, доли операционных затрат	Финансовые формулы [4, с. 95]
3. Расчёт интегрального показателя	Сведение частных показателей в сводный индекс методом балльной оценки или средневзвешенной суммы	Матрица «важность – достижение»
4. Интерпретация результатов	Сравнение с целевыми значениями, выявление узких мест, корректировка стратегии	Анализ отклонений, дорожная карта улучшений

На первом этапе важно обеспечить сопоставимость данных: если операционная стратегия реализуется в течение года, то базой для сравнения выступают показатели аналогичного периода до изменений. Для малого предприятия достаточно использовать данные квартальной или даже месячной периодичности, что позволяет оперативно реагировать на отклонения [2, с. 132].

Частные показатели отбираются индивидуально в зависимости от операционных приоритетов. Если стратегия нацелена на снижение издержек, ключевыми становятся себестоимость и операционные затраты на рубль выручки; если на рост гибкости – сокращение времени выполнения заказа и коэффициент использования мощностей. Важно, чтобы число показателей не превышало 5–7, иначе система станет громоздкой.

Интегральный показатель может рассчитываться как средневзвешенная нормированных значений каждого частного показателя. Веса определяются экспертным путём с учётом стратегических приоритетов. Например, если цель стратегии – повышение операционной эффективности на 15 %, то интегральный показатель должен отражать движение к этой цифре. Применение простых шкал (0 – не достигнуто, 1 – частично, 2 – полностью) делает методику доступной для руководителя малого предприятия без специальной экономической подготовки.

Результаты оценки экономической эффективности служат основанием для пересмотра операционной стратегии или её отдельных элементов. Регулярное проведение такой оценки (ежеквартально или раз в полгода) позволяет малому предприятию поддерживать операционную стратегию в актуальном состоянии, своевременно перенаправляя ресурсы на наиболее доходные направления [5, с. 96].

Таким образом, предложенная методика сочетает простоту использования с комплексным охватом экономических аспектов операционной стратегии. Её внедрение не требует значительных затрат и позволяет малым предприятиям объективно оценивать отдачу от стратегических решений в операционной сфере, что особенно важно в условиях ограниченных ресурсов и высокой неопределённости внешней среды.

Библиографический список

1. Глухов В. В. Операционный менеджмент: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2018. – 320 с.
2. Лапуста М. Г. Малое предпринимательство: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 685 с.
3. Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа. – 12-е изд. – М.: Вильямс, 2006. – 928 с.
4. Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник. – 6-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 536 с.
5. Малое и среднее предпринимательство в России. 2019: стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – 96 с.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ,
ПРОВОДИМЫХ НА БАЗЕ
НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «СОЦИОСФЕРА» В 2026 ГОДУ**

Дата	Название
3 июня 2026 г.	Вопросы науки в современном мире
28 ноября 2026 г.	Вопросы науки в современном мире

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor	• Global Impact Factor – 1,881, • РИНЦ – 0,197. • SJIF – 6,07

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги будут изданы в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

Science Publishing Centre «Sociosphere»
International Islamic Academy of Uzbekistan
Tashkent State Pedagogic University named after Nizami
Penza State Technological University
Baku State University

QUESTIONS OF SCIENCE IN THE MODERN WORLD

Materials of the XVII international scientific conference
on June 3, 2025, 2026

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Подписано в печать 19.06.2026. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Усл.-печ. л. 5,8.
Тираж 100 экз.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
440046, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 74–14.
Тел. +79677016814
веб-сайт: <http://sociosphere.com>
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов,
ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 88У. Тел. (8452) 24-85-33